

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Калькирование как способ словопроизводства
в современной периодике

Исполнитель Чернышова Дарья Романовна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Васильева Инга Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой
(подпись)
кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«27» января 2023 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. КАЛЬКИРОВАНИЕ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	6
1.1. Способы словообразования в современном русском языке – разные точки зрения	6
1.2.1. Калькирование как один из способов словообразования	12
1.2.2. История калькирования в истории языка	20
1.2.3. Классификация калек	27
ГЛАВА II. КАЛЬКИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКЕ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	31
2.1. Материал исследования	31
2.2. Ход исследования и результаты применения различных методов анализа	34
2.3. Статистические подсчеты и анализ полученных данных	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	61
ПРИЛОЖЕНИЕ	70

ВВЕДЕНИЕ

Язык по своей природе – динамическая, постоянно меняющаяся система. Одним из основных путей пополнения словарного состава языка ученые признают процесс заимствования, неизбежно возникающий в ходе межкультурной коммуникации. В лингвистике заимствование как языковой процесс обычно определяется как приход иноязычного элемента из одной языковой системы и его закрепление в другой. В случае, когда заимствованная лексическая единица воспроизводится средствами принимающего языка, говорят о явлении калькирования.

Под термином «калька» традиционно понимается буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова или, по выражению В. В. Виноградова, «точная съемка морфемы за морфемой» [10, с. 162]. Известно, что большая волна заимствований в русском языке пришлась на период начала XVIII века в связи с демократизацией и секуляризацией русского языка и письменности, что связывается, в первую очередь, с деятельностью и реформами Петра I. Литературный язык XIX века не так богат кальками по сравнению с предыдущим периодом [42, с. 167], однако сфера науки в этот период требует обращения к западноевропейским текстам, и, следовательно, контактов с иностранными языками, в первую очередь французским и немецким [3, с. 12]. Однако достоверная картина того, что происходит в сфере заимствованной лексики сегодня, отсутствует вследствие недостаточного количества исследовательских работ в этой области. Это определяет **актуальность предстоящего исследования.**

Объектом нашего исследования является калькирование как способ словопроизводства в текстах современных периодических изданий. **Под предметом исследования** мы понимаем калькирование как способ словопроизводства в текстах современных периодических изданий.

Целью нашего исследования является выявление и лингвистический анализ калек в русскоязычных письменных текстах: публикациях журнала «Мир фантастики» за сентябрь, октябрь и ноябрь 2022 года.

Данный журнал был выбран нами в качестве материала исследования, поскольку в нем зачастую бывает использована заимствованная лексика, еще не в полной мере освоенная русским литературным языком. Кроме того, данный журнал имеет широкую популярность.

Для достижения цели исследования необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) изучить теоретическую литературу о различных способах словообразования в русском языке и роли заимствований в процессе пополнения его словарного состава, рассмотреть точки зрения ученых на калькирование как способ словообразования;

2) изучить историю калькирования в контексте истории русского литературного языка;

3) рассмотреть известные классификации калек и найти наиболее подходящую в качестве базы для данного исследования;

4) сделать анализ языкового материала, выписанного с помощью метода сплошной выборки, объяснить причины появления разных видов заимствования;

5) описать функционирование заимствований и калек в современном русскоязычном публицистическом тексте.

Методы исследования – системно-функциональный и контекстуальный анализ, приемы классификации и статистической обработки данных. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдения применялся описательный метод. Были

востребованы также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы составляет 77 страниц, в том числе приложение на 8 страницах. Список литературы включает 71 наименование.

ГЛАВА I. КАЛЬКИРОВАНИЕ – ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Язык представляет собой живую подвижную систему, которая изменяется и развивается вместе с изменением и развитием истории и мышления народа – носителя данного языка. Процесс образования новых слов является одним из самых сложных в языке, поскольку пронизывает все его уровни. Для того чтобы определить роль калькирования как способа словообразования в современном русском языке, рассмотрим предложенные лингвистами классификации.

1.1. Способы словообразования в современном русском языке – разные точки зрения

Как уже было отмечено выше, словарный состав языка всегда крайне чувствителен к жизни народа – своего носителя и творца. Язык не статичен, он неразрывно связан с деятельностью человека в обществе, с контактами народов между собой, и находится в постоянном движении и развитии. Самым ярким и определяющим явлением в преобразовании лексического состава языка является его постоянное обогащение в результате появления новых слов. Н. М. Шанский пишет, что в русском языке этот процесс осуществляется двумя способами: путем образования новых слов на базе уже существующего строительного материала и путем использования в той или иной степени лексики других языков [54, с. 105]. При этом основным способом обогащения словарного состава ученый называет именно первый – то есть в результате различных способов словообразования, свойственных русскому языку, однако нельзя не учитывать и иноязычные источники пополнения словаря.

Некоторые исследователи призывают разграничивать собственно словообразование и словопроизводство. Так, Р. Н. Попов пишет: «В процессе длительного употребления рядом друг с другом нескольких слов (чаще всего двух) наблюдаются случаи слияния их в одно слово: долгожданный (долго жданный), вечнозеленый (вечно зеленый),

впередсмотрящий (вперед смотрящий), сегодня (сего дня), вверх (в верх), сбоку (с боку) и др. Подобные слова образуются в языке как бы сами по себе, вне сознательной деятельности человека. Такой путь возникновения слов в системе языка называется собственно словообразованием» [41, с. 153]. Сюда же автор относит возникновение омонимичных слов как вследствие «распада» семантической структуры слова на две самостоятельные лексические единицы (ср. мир – «вселенная; все живое, все окружающее» и мир – «согласие; отсутствие войны»), так и при переходе слов из одной части речи в другую (ср. «тихо вокруг» и «вокруг дома»). С точки зрения фонетики новых слов как таковых, с новой звуковой оболочкой, в результате не появляется.

При словопроизводстве же слова сознательно создаются носителями языка по существующим в нем образцам и правилам обозначения новых явлений, процессов и их признаков. Ученый считает, что «многие из этих слов вначале являются речевыми образованиями, не принадлежат системе языка, т. к. не обладают важнейшим свойством слова, а именно его воспроизводимостью. Они могут стать, но могут и не стать достоянием лексической системы языка. Одни слова стадию окказиональности уже прошли и вполне закрепились в языке, например: вертолет (по образцу самолет), разгерметизировать (по образцу размонтировать), другие эту стадию только проходят: роботизированный (по образцу механизированный), т. е. «полностью обслуживаемый машинами-роботами» (участок производства)» [41, с. 154].

Таким образом, Р. Н. Попов предлагает называть словообразованием процесс появления новых слов без сознательных усилий со стороны носителей языка, а словопроизводством – намеренное создание говорящими лексических единиц, описывающих недавно возникшие реалии.

Иначе эти понятия и их взаимоотношения определены в Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой. Под словообразованием там понимается, во-первых, образование слов, называемых производными и сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств; во-вторых, раздел языкознания, изучающий все аспекты создания, функционирования, строения и классификации производных и сложных слов. Словопроизводство же определяется как один из способов словообразования (при использовании средств аффиксации – суффиксации и префиксации) наряду со словосложением (при участии в акте словообразования по крайней мере двух полнозначных единиц), конверсией (при переходе, или транспозиции, слов из одной части речи в другую), аббревиацией (при наличии сокращения исходных слов) и т. п. [29, с. 467].

Для того чтобы уточнить отношения рассматриваемых понятий, обратимся к сущности словообразования как раздела языкознания. М. Т. Фахрутдинова пишет, что его предметом является структура слова, которую можно вскрыть путем сопоставления слов в качестве основного метода анализа как отдельного слова, так и всей словообразовательной системы в целом. По мнению исследовательницы, главной задачей словообразования является изучение закономерностей и особенностей словообразовательного моделирования во всех его аспектах: с одной стороны, формальном и содержательном, а с другой – генетическом и процессуальном. Словообразование отражает не только пути пополнения лексического состава, но и пути создания определенных грамматических категорий, так как все вновь созданные слова, входя в язык, грамматически и формально оформляются [48, с. 54].

Итак, поскольку словообразование как особый раздел науки о языке включает в себя изучение всех аспектов создания новых лексических единиц, в настоящей работе мы будем считать словопроизводство частным случаем словообразования.

Однако в отечественной науке до сих пор нет однозначного подхода к вопросу о способах словообразования: различные лингвистические направления выделяют их в соответствии со своими традициями. Ученые Казанской лингвистической школы, такие как Э. А. Балалыкина и Г. А. Николаев, считают, что существует два основных способа словопроизводства: морфемный (или морфологический) и неморфемный (или семантический). Каждый из этих способов имеет несколько разновидностей, однако все они объединены в две группы на основании общих характеристик. Морфологический (морфемный) способ характеризуется тем, что новые слова создаются на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов. Семантический (неморфемный) способ основан на изменении семантики исходного (производящего) слова [4, с. 24].

Есть и альтернативные точки зрения на классификацию способов словообразования. Взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и его старших казанских учеников получили развитие в трудах представителей более молодого поколения русских лингвистов, работавших в другом университете – Ленинградском. Так, например, взгляды академика Л. В. Щербы, хотя и находились под влиянием его учителя, но обладали большой новизной и оригинальностью, что позволяет отнести его к отдельной, Ленинградской лингвистической школе. Л. В. Щерба устанавливает два главных способа образования новых слов: во-первых, «путем слов, образуемых от уже имеющихся в языке посредством более или менее производительных суффиксов»; во-вторых, «обозначение новых понятий путем нового применения старых слов» (куда входит

калькирование, заимствование иноязычных слов и новое применение своих слов) [56, с. 56].

Существует и третья точка зрения на способы словообразования, которую сформулировали ученые Московской лингвистической школы, основанной Ф. Ф. Фортунатовым. Определение этой школы как «формальной» следует понимать не в смысле исключения языкового содержания в пользу языковой формы, но в смысле определения пути исследования языка – от формы к содержанию или, шире, от наблюдаемых фактов – к ненаблюдаемым. Московская лингвистическая школа представлена взглядами таких ученых, как Н. М. Шанский, Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, А. Н. Тихонов. Так, И. Г. Милославский на основе отношений между производящим и производным словом выделяет: во-первых, морфологический способ словообразования; во-вторых, сращение и сложение. Кроме того, ученый выделяет словообразовательные отношения, представляющие собой контаминацию описанных выше типов: сложение с суффиксацией, сложение с субстантивацией, сращение с суффиксацией [35, с. 47].

Другая представительница Московской лингвистической школы Е. А. Земская подразделяет способы словообразования на несмешанные (простые) и смешанные. К несмешанным способам словообразования относятся: суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация прилагательных и причастий, сложение, сращение, аббревиация. В смешанных способах словообразования соответствующие средства по-разному комбинируются, и, таким образом, формант равен сочетанию формантов, принадлежащих несмешанным способам (двум или трем). По мнению Е. А. Земской, в русском языке имеются следующие смешанные способы словообразования: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный, суффиксально-постфиксальный, префиксально-

суффиксально-постфиксальный, суффиксально-сложный, префиксально-суффиксально-сложный, сращение в сочетании с суффиксацией [17, с. 89].

На основании вышеизложенных мнений лингвистов М. Т. Фахрутдинова дает собственную классификацию продуктивных способов словообразования [48, с. 55–56]. В морфологическом способе она выделяет 3 модели:

1. Аффикация: префиксация (со-автор, от-мыть); постфиксация (болтать-ся, кому-то); суффиксация (мудр-ость, ходь-ба); конфикация (под-окон-ник, обез-глав-ить).

2. Сложение: интерфиксация (лес-о-степь, русск-о-словацкий); сложение с суффиксацией (железн-о-дорож-ный, пар-о-ход).

3. Включение: передовица (в газете), пятилетка (план).

В семантическом способе также представлены 3 модели:

1. Симпликация: метафора (золотая осень, высокая мода); метонимия (пить из хрусталя (из хрустальной посуды)); синекдоха (борода (человек с бородой) молчит); субстантивация (снотворное, булочная, сытый голодного не понимает); адъективация (раненый стонет); адвербализация (шутя поднял тяжесть).

2. Сращение: первого типа (быстрорастворимый, долгоиграющий) и второго типа (шкафкупе, платье-халат).

3. Включение: с опущением определяемого слова: передовая (в газете), гончая, борзая (собаки); с опущением зависимого слова: (сахарный) песок, (атмосферные) осадки.

Данная классификация представляет собой попытку систематизировать активные процессы в словообразовании современного русского языка. Поскольку на сегодняшний день отмечается существенное расширение и укрепление международных связей, языки взаимодействуют более интенсивно. В результате большую роль в пополнении словарного состава начинают играть заимствования. Таким образом, перенос новых

понятий и их наименований из одного языка в другой становится одним из наиболее продуктивных способов обогащения словаря, о чем говорят многие современные исследователи – как отечественные, так и зарубежные [21; 20; 57].

Итак, вслед за этими учеными, а также Н. М. Шанским и Л. В. Щербой, мы будем выделять заимствования как важный источник обогащения словаря русского языка и далее рассмотрим, какую именно роль в этом процессе играет интересующее нас явление калькирования.

1.2.1. Калькирование как один из способов словообразования

Термин «калька» появился на рубеже XIX-XX веков (от фр. *calque* – копия). Введение этого понятия в научный обиход приписывается швейцарскому лингвисту Шарлю Балли, автору работы «Французская стилистика», где утверждалось, что «кальки – это слова и выражения, образованные механически, путем буквального перевода, по образцу выражений, переведенных с иностранного языка» [5, с. 69]. В. В. Виноградов называл кальку буквальным переводом морфологических элементов иноязычного слова, «точной съемкой морфемы за морфемой» [10, с. 162]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией В. Н. Ярцевой находим следующее определение кальки: «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы» [29, с. 211]. Л. П. Крысин определяет процесс калькирования как создание слов из исконного языкового материала – корней, аффиксов, флексий – по иноязычным образцам [40, с. 86]. Если обобщить существующие определения, калька представляет собой слово или выражение, которое создается по иноязычным моделям, но из исконных элементов; это не материальное, а структурное заимствование.

Известный ученый У. Вайнрайх отмечал, что к процессу калькирования языки относятся неодинаково: более восприимчивы к

калька как форме заимствования языка, типологически близкие к транслирующей языковой системе [9, с. 102]. Это наблюдение подтверждает и Н. С. Арапова, которая в словарной статье о кальках для Лингвистического энциклопедического словаря пишет: «Соотношение калек и прямых заимствований в разных языках различно. В некоторых языках (исландский, тибетский) калькирование – почти единственный способ освоения иноязычной лексики» [29, с. 211]. Таким образом, ученые признают важную роль калькирования как способа пополнения словарного состава языка и отмечают, что в некоторых языковых системах этот способ и вовсе имеет критическое значение.

Явление калькирования принято рассматривать в тесной связи с явлением прямого (фонетического) заимствования. Так, американский лингвист Э. Хауген в своем исследовании языковых контактов включает кальки в классификацию заимствований [51, с. 62]. Всего ученый выделяет три вида таких слов:

1. Слова без морфологической субституции (loan-words), т.е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике;

2. Слова с частичной морфологической субституцией (loan-blends), или гибриды, т.е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов. Такой вид заимствований, например, Н. С. Арапова называет неточными кальками [3, с. 28].

3. Слова с полной морфологической субституцией, т.е. кальки (loan-shifts), или семантические заимствования (semantic loans).

Однако взгляды ученых на явление калькирования различаются с точки зрения классификации, узкого или широкого подхода. Кроме того, среди исследователей нет единого мнения о том, считать ли калькирование заимствованием. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что кальки в словарях иностранных слов не упоминаются и фактически заимствованными единицами не признаются.

Сам термин «заимствование», как отмечает С. В. Кудряшова, в лингвистической науке является многозначным [26, с. 68]. Одни лингвисты подразумевают под заимствованием процесс взаимного влияния языков [59, с. 75], другие, придерживающиеся более узкого подхода, – следствие процесса, то есть языковые элементы, перемещенные из одного языка в другой и функционирующие в нем [15]. Задачам нашего исследования в большей степени отвечает определение, сформулированное С. В. Кудряшовой с учетом обоих подходов: «Под заимствованием мы подразумеваем иноязычные элементы, прежде всего слова, так как заимствование происходит чаще всего на лексическом уровне. Кроме того, заимствование – это перемещение лексических единиц из одного языка в другой с последующей адаптацией заимствованных лексем в системе языка-реципиента. Процесс лексического заимствования, несомненно, более широк, чем заимствование грамматическое, словообразовательное или фонетическое» [26, с. 68].

Одним из ученых, которые противопоставляют понятия калькирования и заимствования, является Н. М. Шанский. Он пишет: «Дело в том, что могут заимствоваться слова и выражения как целые, т. е. реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, так и лишь их отдельные элементы (структура, значение). В связи с этим среди лексических фактов, в которых находит отражение иноязычное влияние, следует различать, с одной стороны, такие, которые объясняются прямым заимствованием, а с другой – такие, которые возникли в результате калькирования» [54, с. 106]. С этой точкой зрения согласен Л. П. Ефремов, который также не включает калькирование в объем понятия заимствования [14, с. 79–86]. Л. П. Крысин, анализируя процессы в русском языке 90-х и 00-х годов, отмечает, что при изучении иноязычного влияния калькам обычно уделяется меньше внимания, чем

заимствованиям, и дает этому два объяснения. Он пишет: «Во-первых, калек в языке (не только современном, но и, например, русском языке XIX века) несравнимо меньше, чем заимствований. Во-вторых, кальки трудно выявить: неясны критерии, по которым то или иное слово или словосочетание следует признать результатом иноязычного влияния, а не продуктом процессов, происходящих в русском языке в соответствии с его собственными закономерностями развития» [22, с. 30–31]. По мнению этих и других исследователей [46, с. 16; 34, с. 216], иноязычность происхождения заимствований и калек – характеристики разной полноты и свойства.

Однако распространена среди ученых и другая позиция по этому вопросу. По мнению Е. А. Земской, калька является «скрытым» заимствованием: «Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [18, с. 421]. Н. С. Арапова также рассматривает эти явления в тесной связи друг с другом. Она пишет: «Кальки появляются тогда, когда возникает потребность в передаче понятия, появившегося в иноязычной среде, а прямое заимствование почему-либо нежелательно. В таком случае происходит заимствование словообразовательной или семантической структуры иноязычного слова» [3, с. 27]. «Особым видом заимствований» называет кальку и Р. А. Будагов [8, с. 14].

Эта точка зрения находит отражение и в наиболее актуальных работах отечественных лингвистов. В частности, Е. В. Бондарева также включает калькирование в типологию заимствований, основанную на способе внедрения в принимающий язык. Она подразделяет заимствования на те, что попали в язык путем транскрибирования (передачи звукового облика), транслитерирования (передачи орфографического облика) и, наконец, калькирования (то есть поморфемного или пословного перевода) [7, с.13].

Кроме того, очевидно, что кальки, как и фонетические заимствования, возникают при условии межкультурного взаимодействия, способствуют сближению структур контактирующих языков. Так, Е. В. Хапилина отмечает тесную связь между кальками и заимствованиями, поскольку оба этих языковых явления зависимы от ситуации языкового контакта и двуязычия, а в добавление ко всему имеют схожие причины, так как источником калек и заимствований служит иноязычная лексика [50, с. 152]. Н. Ю. Авина также рассматривает калькирование, наряду с заимствованием, как одну из важных форм языковых контактов, которая проявляется на различных уровнях языка и в различных сферах функционирования русского языка в ситуации этнокультурного взаимодействия. В конкретной ситуации языковых контактов общие тенденции калькирования могут иметь специфическое проявление, связанное, в частности, с активизацией определенных типов калек [1, с. 28]. Подробнее о классификации калек речь пойдет в следующих параграфах.

В настоящей работе мы будем придерживаться такой точки зрения, при которой заимствования и кальки рассматриваются в непосредственной связи друг с другом, поскольку хоть кальки в языке-реципиенте и возникают по его словообразовательным законам, влияние языка-прототипа остается достаточно сильным.

Расходятся мнения исследователей и по поводу взаимоотношений частных разновидностей данных явлений: например, ученые спорят о статусе таких понятий, как семантическое калькирование и вторичное заимствование. Последний термин употребляет Е. В. Маринова, обозначая языковой механизм (процесс) «скрытого заимствования», по сути аналогичный семантическому калькированию, но отличающийся от него главным образом тем, что при семантическом калькировании слово, которое заимствует новое значение, чаще всего является исконным

(оговорка «чаще всего» вызвана признанием того факта, что в качестве объекта калькирования могут использоваться и так называемые «старые» заимствования: акула (бизнеса), команда (президента), электронная (почта) [31, с. 136]. Здесь следует отметить, что Л. П. Крысин считал семантическое калькирование преобладающим типом в русском языке последних десятилетий, тогда как в XIX в. чаще имело место словообразовательное калькирование [23, с. 223]. В более поздних работах этого ученого встречается также понятие вторичного заимствования. Данным термином он обозначает случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [24, с. 106; 25, с. 161]. Именно это определение использует и развивает в своих работах Е. В. Маринова [32, с. 388-393; 31, с. 112–115; 33, с. 83–85, с. 136–137].

Вступая в дискуссию со своими коллегами, А. А. Горбов заявляет о несостоятельности термина «вторичное заимствование». Исследователь на примерах доказывает, что «совпадение экспонентов при различии значений у заимствованных слов может быть вызвано разными причинами и обстоятельствами, в том числе может быть чисто случайным. Кроме того, надежных лингвистических критериев разграничения «старых» и «новых» заимствований не существует» [12, с. 99]. А. А. Горбов выделяет только два способа расширения словарного состава языка посредством иноязычного контактного влияния: лексическое (материальное) заимствование и калькирование, в том числе семантическое. Понятие же «вторичного заимствования», включающее как случаи создания семантических калек на основе иноязычной лексики, так и случаи материального заимствования слов, омонимичных уже имеющимся в языке иноязычным словам, однозначно не соотносится ни с каким языковым механизмом, считает ученый.

Таким образом, на примере дискуссии о статусе терминов «вторичное заимствование» и «семантическое калькирование» мы можем еще раз убедиться в том, что понятия калькирования и заимствования достаточно тесно связаны друг с другом.

Другой интересный вопрос – о разграничении явлений калькирования и развития полисемии исконных слов – поднимает в своей тематической статье О. И. Осетрова. Анализируя специфику формирования лексики, обслуживающей компьютерно-ориентированную коммуникацию, исследовательница отмечает, что в связи с неизбежным для этой сферы появлением большого количества заимствований и калек активизируются процессы создания того же пласта лексики за счет ресурсов языка-реципиента. Во-первых, заимствования со временем полностью ассимилируются; во-вторых, в принимающем языке возникают неологизмы, начинает эксплуатироваться терминология смежных отраслей, расширяется метонимическое и метафорическое значение слов общей лексики. Последнее, по наблюдению М. Готти, произошло и в английской речи [58, с. 190–191], то есть здесь русский язык повторяет путь первопроходца. Так, например, слова *окна (windows)*, *червь (worm)*, *закладка (bookmark)* – семантические кальки с английского, и в их отношении О. И. Осетрова отмечает: «Калькирование позволило сохранить метафоричность этих терминов, сделать их более понятными и емкими. Вместе с тем, несмотря на свою техническую наполненность, эти слова остаются исконно русскими по форме и как бы «примиряют» носителя русского языка со своим чужеродным содержанием» [37, с. 50].

Итак, калькирование как способ словообразования имеет большое значение при освоении языком различной терминологии. Этому процессу посвящена статья Ю. Н. Куповой «Калькирование из английского в русский язык». Рассматривая проблему заимствования медицинских терминов, исследовательница пишет: «Интернациональность содержания

терминов при сохранении их национальной формы предполагает такой способ перевода, как калькирование» [27, с. 75]. Здесь также подчеркнута роль метафоризации как основы процесса образования новых понятий. Это обусловлено «тем, что материальной основой терминологизации становится естественный язык, а следовательно, метафоричность научных терминов мотивирована общелингвистической тенденцией развития науки» [27, с. 78]. Таким образом, калькирование – в частности, семантическое – является одним из наиболее эффективных путей заимствования и освоения научной лексики, позволяющим языку-реципиенту сохранить содержание термина при использовании привычной словесной оболочки.

Похожую функцию берет на себя калькирование и в художественном переводе, к примеру, фразеологических единиц. Р. Х. Хайруллина пишет: «Часто калькирование используется в художественном переводе, когда даже при наличии эквивалентной фразеологической единицы в языках использование фразеологической кальки предпочтительнее, так как она позволяет передать национальные стилистические, коннотативные и оценочные смыслы, которые нивелируются при использовании эквивалента» [49, с. 69]. Так, по мнению исследовательницы, английский фразеологизм *Half a loaf is better than no bread* (букв. Лучше уж полбуханки, чем вовсе без хлеба) предпочтительнее перевести буквально, чем с помощью русского фразеологического эквивалента *На безрыбье и рак рыба*, который можно употребить не в любом контексте. При этом, отмечает Л. Ф. Дмитриева, калькирование фразеологических оборотов может быть применено лишь в том случае, если в результате создается выражение, образность которого понятна носителям языка-реципиента и у них не складывается впечатления инородного элемента [2, с. 64].

Итак, проблема заимствований, как отмечает Т. Г. Линник, «занимает важное место в ряду проблем культуры речи, нормы языка, а также соотношения функционирования языков в условиях тесного их контактирования» [30, с. 163]. Стоит подчеркнуть, что калькирование – более осознанный процесс, нежели простое лексическое заимствование, требующий довольно глубоких знаний обоим взаимодействующим языкам (как теоретических, так и практических) [45].

Главной причиной появления потребности в калькировании представляется необходимость передачи наименований одного языка средствами другого языка при их взаимодействии. Как правило, эта проблема решается путем простого лексического заимствования, но такой путь имеет ограничения и языкового, и социально-психологического характера: чаще всего носители языка избегают засилья в речи заимствований, так как это чревато переходом к двуязычию или даже утратой родного языка. Выход из ситуации подсказывает сама структура взаимодействующих языков, потому и возникает явление калькирования, то есть реализация языкового контакта внутренними ресурсами по внешней модели.

1.2.2. История калькирования в истории языка

Традиция использования семантического и структурного калькирования при передаче новых для принимающего языка понятий уходит своими корнями в историю языка. Н. К. Николаева отмечает при этом, что в Средние века, в отличие от современности, семантическое калькирование представляло собой более редкий способ, чем словообразовательное. Она пишет: «Тем не менее, можно констатировать существенную роль обоих приемов в развитии лексической и словообразовательной системы древнеславянского – а через него и русского литературного языка» [36, с.127]. На примере разновременных переводов богословских памятников X и XIV вв. она прослеживает эти

процессы в тексте и раскрывает их значение для языковой парадигмы. Н. К. Николаева выделяет следующие особенности семантического калькирования на славянской почве:

1. Семантическое калькирование чаще встречается в ранних переводных памятниках, поскольку именно там появляется необходимость актуализации значений, связанных не только с новым христианским вероучением, но и с новыми научными знаниями, транслируемыми через эти тексты.

2. Следовательно, семантическое калькирование хронологически совпадает с периодом семантического синкретизма славянской лексики, поэтому приобретаемое новое значение встраивается в уже имеющийся в языке семантический комплекс определенного слова и проявляет себя (по крайней мере в начале истории своего функционирования) только в своеобразном поле напряжения между конкретным контекстом и его оригиналом.

Отсюда Н. К. Николаева делает вывод, что предпосылки к преобладанию калькирования над собственно лексическим заимствованием содержались в самой структуре славянского языка.

О. М. Чайковская также отмечает, что уже в старославянском языке в результате перевода богослужбных книг появляются многочисленные кальки с греческого. Она пишет: «В свою очередь церковнославянские кальки из греческого языка (напр., *благование* - греч. *eiōdia*, *благословение* - греч. *eulogia*, *великодушие* - греч. *megalopsychia*, *тщеславие* - греч. *ksenodoxia*, *богослов* - греч. *theologos*) стали образцом для образования сложных слов из морфем исконно русских. Подобные лексические заимствования из церковнославянского языка свойственны не только русскому, но и белорусскому, сербскому и другим славянским языкам» [52, с. 12]. О. М. Чайковская подчеркивает прямую зависимость между количеством книг, которые были переведены с тех или иных

языков в определенный промежуток времени, и количеством появившихся тогда же заимствований из этих языков.

В своем исследовании, посвященном первым славянским переводам с греческого языка, М. И. Чернышева предлагает обратить внимание на поведение и взаимоотношения эквивалентов, заимствований и калек. Она так обозначает проблему лексического варьирования: «Речь идет о функционировании в переводе на равных правах заимствований (по другой терминологии, грецизмов) и славянских слов, сходных с ними по семантике» [53, с. 123]. Писала об этом явлении и В. Ф. Дубровина, которая изучала заимствованную лексику в тексте «Синайского патерика». Исследовательница считает, что употребление в одном случае грецизма, а в другом – кальки могло быть вызвано разными причинами: принадлежностью отдельных частей памятника разным переводчикам, инициативой русских переписчиков перевести встретившиеся грецизмы, желанием внести разнообразие в язык памятника и т. д. [13, с. 58]. Таким образом, особенности процесса калькирования при взаимодействии русского языка с другими проявляются с древнейших времен и представляют собой интересное поле для исследования.

Одним из первых ученых-славистов, обративших внимание на особенности калькирования в славянских языках, был Б. Г. Унбегаун [47]. Рассматривая бытующие кальки с немецкого, он разделял славянские языки на две группы: к первой относятся русский, польский и болгарский, в которых, по мнению исследователя, количественно преобладают заимствования; ко второй принадлежат хорватский, сербский, чешский и словенский языки, в которых чаще встречаются кальки, что связано с политическим и культурным влиянием империи Габсбургов на данные языки.

Здесь важно отметить, что появление калек в отдельных языках бывает связано с пуристическими тенденциями, борьбой за чистоту языка.

Пуризм (от лат. *purus* – чистый) – стремление к чистоте литературного языка, к изгнанию из него разного рода посторонних элементов: иноязычных заимствований, новообразований, элементов внелитературной речи (диалектизмов, просторечия и др.) [29, с. 247]. Пуризм предполагает отказ от заимствований, характеризуется стремлением заменить их словами, образованными с помощью исконных корней и морфем. Например, в истории немецкого языка выделяется период XVIII – XIX вв., когда во избежание сильного влияния французского и латинского языков активно создавались пуристические словари.

Складывались подобные ситуации и в русском языке. По замечанию Е. Н. Басовской, в российской научной и публицистической традиции термин «пуризм» приобрел негативную коннотацию [6, с. 114]. Показательно отношение значительной части современников к энергичной борьбе за «чистоту языка», которую в конце XVIII – начале XIX в. вели адмирал А. С. Шишков и его единомышленники. В тот период объективно усилилось французское влияние на русскую речь, и именно этим были вызваны их усилия.

Однако уже при жизни Шихкова его позиция, выраженная в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка», была довольно жестоко осмеяна. Он противопоставлял дурному стилю писателей-западников «чистый» язык патриотической литературы [55], но встречал критику, в частности, со стороны членов литературного объединения «Арзамас». Например, А. С. Стурдза в своих мемуарах пишет: «Шишков сделался бы моим оракулом, если б в прекрасной и полезной книге его не смущали меня кой-какие промахи. Например, когда поборник старого слога, обличая рабские переводы с иностранных языков и желая вразумить читателей своих примерами, говорит между прочим: каково было бы перевести слово *preface* не предисловием, а *предличием*; или слово *tresor*

буквальным переводом *презлатом*; тогда увы! невозможно и ученику удержаться от смеха» [43, с. 47]. Уже в то время были заложены основы парадокса, который существует и по сей день: российское общественное сознание в целом позитивно оценивает так называемую борьбу за «чистоту языка», но резко осуждает те явления, которые получают негативно оценочное именование «пуризм».

В послепушкинский период, 40–70-е годы XIX века, строй русского литературного языка изменяется под воздействием общественно-политических изменений в стране, развития науки и техники, становится наиболее пестрым и многогранным. Е. Т. Черкасова считает одной из центральных проблем этой эпохи создание национальной системы отвлеченной, философской, научной и публицистической лексики [19]. Это происходит потому, что в обществе передовой русской интеллигенции возникает интерес к развитию научных, социальных и философских идей, что, в свою очередь, порождает тенденцию к еще более тесному сближению с западноевропейскими языками, а вслед за этим увеличивается количество заимствований. В.В. Виноградов пишет, что в эту эпоху границы литературного языка существенно расширяются. В него входит много слов из профессионального жаргона, из чиновничьих диалектов, элементы городского просторечия [11, с. 361], перестраивается лексическая, фразеологическая и семантическая структура языка, ищутся новые идеологические скрепы.

Во второй половине XIX века не ослабевала тенденция к более тесному взаимодействию русского языка с западноевропейскими, к заимствованию отсюда «аналитических приемов выражения», к освоению таких понятий, которые не нашли в русском языке точного воплощения.

В начале XX века процессы заимствования и калькирования продолжали происходить в русском литературном языке. Однако после становления советской системы сформировалось такое явление, как

советский лингвистический пуризм, которое в рамках утверждения одних и развенчания других ценностей пыталось повлиять на источники обогащения словарного состава. Об этом в своей статье пишет Е. Н. Басовская, отмечая, что помимо заимствований подвергались жесткой критике просторечия, жаргонизмы и диалектизмы. Русский язык, по выражению исследовательницы, «загонялся в рамки узко понимавшихся норм и приличий» [6, с. 123].

В наши дни, когда настала эпоха глобализации, иноязычная лексика оказывает все большее влияние на формирование лексической системы русского литературного языка. По наблюдению современных ученых Е. В. Сенько и М. Р. Ленчиной, нарастающие темпы процесса глобализации вызвали бурное развитие одного из наиболее социально значимых процессов – процесса заимствования, который не только масштабируется, но и претерпевает значительные качественные изменения [38, с. 129]. В результате в последние десятилетия престиж иностранного слова, как считает Л. П. Крысин, укрепляется. Автор отмечает, что большой поток иностранной лексики проникает во все сферы человеческой жизни: экономическую, общественную, бытовую и т. д. Наряду с прямым заимствованием расширяются границы калькирования, что обусловило появление таких выражений, как высокая мода (фр. *haute couture*), теневая экономика (англ. *shadow economy*), продвинутый (этап работы / курс и т.п.) от англ. *advanced* и др. Л. П. Крысин закономерно приходит к выводу, что влияние иностранной лексики на русский язык многообразно и интенсивно и требует детального изучения [39].

Ученые отмечают, что калькирование в большей степени представлено в языках с развитым словосложением и деривацией. Б. Унбегаун пишет, что калькирование сильнее всего представлено в немецком языке, слабо – во французском, а русский язык занимает промежуточное место [47]. Интересно, что при взаимодействии языков

различной структуры калькирование происходит намного реже или не происходит вовсе. Например, в русском языке огромное количество калек из индоевропейских языков, прежде всего латинского, греческого, французского, английского, немецкого, тогда как кальки из тюркских языков практически отсутствуют. Причем и другие индоевропейские языки (помимо вышеперечисленных) тоже не дали калек в русском языке, что обусловлено, по всей видимости, культурно-историческими причинами. Также отмечается, что в русском языке нет калек из нидерландского, итальянского, скандинавских языков, но содержится значительное количество лексических заимствований. Здесь причиной стали слабость или отсутствие книжного контакта, который имел место при взаимодействии русского языка с главными европейскими языками.

Как отмечают лингвисты, на сегодняшний день основным источником калькирования для русского языка является английский. Это обусловлено его ролью в качестве важнейшего международного языка, а также передовыми достижениями англоязычных стран во многих сферах. Интересы многих молодых исследователей направлены в эту область. Так, различные типы калек с английского рассматривает в своей статье Т. В. Терентьева. Она делает следующий вывод, с которым нельзя не согласиться: «Иноязычное влияние на русский язык требует детального изучения, учитывающего как сравнительно легко обнаруживаемые лексические заимствования, так и разные формы скрытого влияния других языков на русский – не только в лексике, но и, например, в словообразовании, синтаксисе, в просодическом рисунке высказываний и в их коммуникативной организации» [44, с. 255].

Этой теме посвящена также работа молодых исследовательниц А. Д. Лефтер и М. С. Амелькиной. Прежде чем перейти к классификации калек по структуре, с которой копируется языковой материал, они пишут: «Разница между калькой и заимствованием состоит в том, что и те, и

другие, обогащая словарный запас языка, действуют по-разному: при заимствовании передается материальная форма, а при калькировании – сам смысл. Таким образом, заимствование оказывает влияние на материальный состав языка, а калька на систему лексико- семантических отношений» [28, с. 117–118]. При этом вслед за старшими коллегами А. Д. Лефтер и М. С. Амеликина отмечают тесную взаимосвязь между процессами заимствования и калькирования.

Итак, проследив историю калькирования в контексте истории языка, обратимся к вопросу о классификации калек, который и поныне вызывает дискуссии среди исследователей.

1.2.3. Классификация калек

При изучении в современном языкознании процесса калькирования особое внимание уделяется построению различных классификаций и типологии калек. Сложность классификации калек обусловлена тем, что в процессе калькирования задействованы множественные факторы как чисто лингвистического, так и внелингвистического характера. К ним относятся, в частности, особенности структуры слова в контактирующих языках, грамматический строй этих языков, наличие в них относительно адекватных соответствий в морфологии и лексике, характер двуязычия, характер контакта (который может быть устным или письменным), авторитет влияющего языка, потребности формирования литературного языка и т. д.

Ученые по-разному классифицируют кальки в русском языке. Н. М. Шанский подразделяет их на две больших группы: лексические и фразеологические, представляющие собой пословный перевод фразеологизмов. Лексические кальки, в свою очередь, бывают двух видов:

1. Словообразовательные – это, по определению Н. М. Шанского, «такие материально исконные слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфологическим

частям, в результате усвоения словообразовательной структуры чужих слов» [54, с. 115].

2. Семантические – это «такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является семантика, лексическое значение: само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению, т. е. значению какого-нибудь слова другого языка» [54, с. 116–117].

Также Н. М. Шанский противопоставляет полные лексические кальки и полукальки, то есть «слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [54, с. 120–121]. В качестве синонимичных термину «полукалька» ученый употребляет понятия «неполное» и «частичное калькирование».

Лингвистический энциклопедический словарь вслед за Н. М. Шанским выделяет кальки словообразовательные, семантические, фразеологические. Разновидностями словообразовательных калек названы полукальки, а также ложные кальки, которые возникают «вследствие ошибочного понимания морфолого-семантической структуры иноязычного слова: русское название растения орлики ‘аквилегия’ является переводом лат. *aquilegia*, воспринятого как производное от *aquila* ‘орёл’» [29, с. 211].

Следующую разновидность калек – грамматические – выделяет Ю. С. Сорокин, обращая внимание на фразовые сочетания слов, которые калькируются с французского (в частности, с глаголами *делать*, *производить*, *иметь*: *делать вид*, *сделать впечатление*, *делать успехи*) [42]. В. В. Виноградов также приводит примеры французских конструкций, которые заимствованы русским языком: «...находит

основания предполагаемого договора до *такой степени вне возможности...*»; «брак *совершается* на небесах»; «...я ожидал не менее того, как найти Вас...» [11].

В своем исследовании языка русской эмигрантской прессы А. В. Зеленин призывает обратить внимание на еще один тип калек – синтаксические [16]. Синтаксические кальки представляют собой заимствование не слова, а целой грамматической конструкции из языка-источника (например: *смотреть вперед на* (+ Асс.) с англ. *to look forward to* во фразе *Смотреть вперед на нашу встречу*). Синтаксические кальки образуются из-за того, что в сознании билингвов, как и в сознании людей, на высоком уровне владеющих более чем одним языком, грамматические системы этих языков могут размываться и смешиваться. Постоянное обращение к иноязычным текстам способствует, по мнению А. В. Зеленина, проникновению на страницы русскоязычных текстов чуждых русскому языку грамматических моделей.

Однако для текстов современного периодического издания, написанных носителями, в первую очередь, русского языка, говорить о грамматических и синтаксических кальках достаточно сложно. Поэтому в настоящем исследовании мы предлагаем обратить внимание на функционирование лексических калек.

Н. С. Арапова в своем исследовании «Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря» подробно рассматривает явление лексического калькирования [3]. Фразеологические кальки здесь также выделены, но в рамках словаря не рассмотрены. Предложенная в работе Н. С. Араповой классификация калек в наибольшей степени отвечает целям настоящего исследования. Вслед за Н. М. Шанским она подразделяет лексические кальки на семантические и словообразовательные. В свою очередь, словообразовательные кальки бывают точные и неточные, причем последние, по мнению Н. С.

Араповой, не следует смешивать с полужалками. Полужалка – это слово, в котором один из морфов калькируемого прототипа остается непереуведенным (например: нем. Alpha/teilchen – рус. альфа-частица). В неточных же жалках переуведено все, но одна из морфем переуведена неверно (нем. Blitzableiter – рус. громоотвод: нем. Blitz ‘молния’, а не ‘гром’). Таким образом, данная классификация практически полностью повторяет собой типологию, предложенную в статье Ленинградского энциклопедического словаря, которая также принадлежит Н. С. Араповой, однако здесь термин «ложная жалка» заменен понятием «неточная жалка», которое, на наш взгляд, в большей степени подходит для описания случаев калькирования в текстах современной периодики.

Таким образом, в первой главе была выявлена роль заимствований в процессе пополнения словарного состава русского языка, рассмотрены точки зрения ученых на калькирование как способ словообразования, изучена история калькирования в контексте истории русского литературного языка, а также проанализированы известные классификации калек. В результате, классификация, предложенная Н. С. Араповой, была выбрана нами как наиболее подходящая в качестве базы для данного исследования.

ГЛАВА II. КАЛЬКИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИКЕ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

2.1. Материал исследования

Прежде чем приступить к анализу полученных в ходе исследования данных, подробнее остановимся на его материале, а именно – журнале «Мир фантастики».

«Мир фантастики» – это ежемесячный российский журнал и портал о фэнтези и фантастике во всех их проявлениях. Издается с сентября 2003 года и является крупнейшим журналом о фантастике на постсоветском пространстве. «Мир фантастики» обзорекает книги, фильмы, сериалы, игры и комиксы в популярных жанрах, таких как научная фантастика, фэнтези и ужасы, публикует статьи о вымышленных вселенных, известных фантастах, фэндомах, мифологии и футурологии. Журнал награжден рядом премий в области фантастики, в том числе Европейского общества научной фантастики как «Лучший журнал Европы», премией «Странник» и «Интернет-Роскон» за сайт Mirf.ru.

Данное издание было выбрано нами в силу своей авторитетности, распространенности, популярности: посредством обзоров «Мира фантастики» большая часть аудитории узнает, в частности, о новинках фантастической литературы – как отечественной, так и переводной – и принимает решение о приобретении тех или иных книг. Согласно опросу, проведенному на сайте «Мира фантастики» в апреле 2011 года, большую часть аудитории составляют люди от 20 до 29 лет (52,9 %). По данным Атласа СМИ, мужчины составляют 61% аудитории, а общая аудитория достигает 110 000 человек. 70% читателей владеют иностранными языками, из них 68,7% – английским языком.

Журнал находится «на острие» актуальных тенденций фантастической литературы, которая, в свою очередь, предвосхищает реальные изменения в окружающей действительности и помогает

отрефлексировать уже произошедшие события. Приведенные выше статистические данные показывают, что самая передовая, активная часть населения живо интересуется такой литературой. Опросы на сайте «Мира фантастики» показывают, что 39,5% аудитории журнала читает только фантастику, 56,5% интересуется и другими жанрами, только 4% не читают книг вообще. Большинство опрошенных читают книги как в бумажном, так и в электронном виде (38.7%), примерно треть – только в бумажном (34.2%). 78% читателей сохраняют прочитанные номера для коллекции. Отсюда можно сделать вывод, что периодика остается актуальным и авторитетным источником информации для современного читателя: мнению авторов «Мира фантастики» доверяет большое количество людей.

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим статьи из раздела «Книжный ряд», где публикуются рецензии на новые фантастические книги, выпущенные в России, статьи о классиках и жанрах фантастики, интервью с писателями-фантастами, мастер-классы от известных писателей, «круглые столы» и полемические заметки о фантастике. Данная рубрика была выбрана нами в силу того, что тексты рецензий на литературные новинки отражают не только словарный запас их авторов, но и актуальные языковые тенденции: при передаче информации о понятиях и явлениях, еще не вполне освоенных русской лексикой, рецензенты зачастую используют заимствования.

Мы остановили свой выбор на статьях, опубликованных в номерах «Мира фантастики» за осенние месяцы 2022 года: сентябрьский №226, октябрьский №227 и ноябрьский №228. Такой выбор был сделан из соображений актуальности: в указанных номерах собраны рецензии на последние новинки, представляющие в настоящее время наибольший интерес для аудитории журнала, следовательно, язык статей обращен к читающей молодежи. Количественный и качественный анализ употреблений заимствований и калек в выбранных статьях позволит нам

сделать выводы об успешности процесса ассимиляции иноязычной лексики.

В сентябрьском выпуске №226 наше внимание привлекла рецензия постоянного автора журнала Е. Щетиной на роман английского писателя Р. Дж. Баркера «Зов костяных кораблей» – героическое фэнтези о морских приключениях. В статье упоминаются специфически морские понятия, а также встречаются слова, отражающие понятия из мира книги, сконструированные самим писателем и адаптированные при переводе на русский язык.

Из октябрьского выпуска №227 нами взята статья У. Скибиной о новинке отечественного фантаста Эдуарда Веркина «снарк снарк». По выражению самого автора, определить точный жанр романа сложно: в нем присутствуют элементы детектива, юмора, хоррора, мистики. Действие происходит в провинциальном российском городке, в современных нам реалиях, однако присутствует и фантастическое допущение. Все это позволяет рассматривать текст рецензии как часть отечественного публицистического и литературоведческого дискурса.

В ноябрьском выпуске №228 мы снова обращаемся к тексту Е. Щетиной, на этот раз – рецензии на философскую фантастику Ярослава Калфаржа «Космонавт из Богемии». Автор романа – чех-эмигрант, проживающий в Нью-Йорке. В оригинале книга написана на английском языке, однако выдерживает заданный названием национальный колорит и поднимает темы, исторически волнующие соотечественников писателя. Культурная близость славянских народов послужила причиной того, что русскоязычная рецензия именно на этот переводной фантастический роман попала в нашу выборку.

Таким образом, в ходе настоящего исследования будут проанализированы следующие источники: две статьи Е. Щетиной [2, с. 28; 3, с. 34], посвященные новинкам переводной фантастической

литературы, и рецензия У. Скибиной [1, с. 30] на отечественный роман в том же жанре. Вопрос о том, способен ли предмет обзора повлиять на соотношение заимствованной и исконной лексики в тексте рецензии, представляет для нас немалый интерес. Полные тексты статей будут приведены нами в приложении.

2.2. Ход исследования и результаты применения различных методов анализа

Для удобства и наглядности здесь и далее мы будем рассматривать рецензии не в порядке выхода соответствующих номеров журнала, а в распределении по авторам и предметам обзора: таким образом, в первую группу войдут статьи Е. Щетиной о переводных новинках, во вторую – обзор У. Скибиной на роман отечественного автора. Это позволит нам в дальнейшем сопоставить полученные данные и проследить зависимость частотности употребления заимствований и калек в тексте от его тематики.

Сбор данных для исследования осуществлялся путем сплошной выборки из текстов рецензий заимствованных слов и калек и внесения этих языковых единиц в отдельный список. На основании трех получившихся списков к каждой из статей были составлены своеобразные словари заимствований и калек. Сведения о происхождении слов были почерпнуты из этимологических словарей М. Фасмера и Н. М. Шанского, Толкового словаря иностранных слов под редакцией Л. П. Крысина, Толкового словаря русского языка начала XXI века под редакцией Г. Н. Складневской, Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов под редакцией Н. Ю. Шведовой, Большого словаря русских поговорок под редакцией В. М. Мокиенко, а также Большого словаря иностранных слов, составленного А. Ю. Москвиным.

Приведем получившуюся выборку по статье Е. Щетиной «Р. Дж. Баркер “Зов костяных кораблей”. Приключения в морском антураже».

Упорядочим слова по алфавиту, кальки выделим жирным шрифтом. Источник этимологической справки, т. е. фамилию автора или составителя этимологического словаря, укажем в квадратных скобках после каждого пункта. Случаи отсутствия такого указания будут рассмотрены нами отдельно.

1. **Абордаж** – происходит от франц. *abordage*, от *bord* «борт судна». [Фасмер]

2. **Абстрагироваться** – Образовано добавлением -ся к гл. *абстрагировать*, далее от нем. *abstrahieren*, далее из лат. *abstrahere* «оттаскивать, отвлекать». [Фасмер]

3. **Автор** – происходит от польск. *autor* «автор, создатель, творец» через зап.-рус. Посредство. Заимствовано в XVII в. [Шанский]

4. **Антагонист** – происходит от др.-греч. *ἀνταγωνιστής* «противник, соперник» [Фасмер]

5. **Архипелаг** – происходит от итал. *arcipelago* «Эгейское море» из греч. *ἀρχι* + *πέλαγος* [Фасмер]

6. **Банальный** – происходит от франц. *banal* «обыкновенный, банальный» [Фасмер]

7. **Ветрогон** – неточная калька с *windseer*, «видящий ветер»

8. **Вселенная** – происходит от ст.-слав. *въселена*□, кальки др.-греч. *οἰκουμένη (γῆ)* «обитаемая, населённая (земля)» [Фасмер]

9. **Географический** – происходит от суш. *география*, из др.-греч. *γῆ* (др. формы *γῆα*, *γαῖα*) «земля» + *γράφω* «пишу, рисую, описываю», далее из праиндоевр. **gerbh-* «царапать» (ср.: русск. *жребий*, латышск. *gripsta* «царапина», др.-в.-нем. *kerban* «вырезать», нем. *Kerbe* «насечка», англ. *carve* «вырезать», др.-греч. *γράφω* «писать»). Русск. *география* заимств., вероятно, через польск. польск. *geografia* или лат. *geographia*; по другой версии — непосредственно из греч. [Фасмер]

10. Герой – Русск. герой заимств., вероятно, через франц. héros «герой» [Фасмер]
11. Глоссарий – происходит от лат. glossarium «глоссарий» [Фасмер]
12. Грамотно – происходит от прил. грамотный и сущ. грамота, далее из др.-греч. γράμματα «знаки, линии» [Фасмер]
13. Динамика – от греч. δύναμις «сила, мощь» [Фасмер]
14. Дракон – книжное заимств. из лат. dracō, -ōnis [Фасмер]
15. Интенсивно – происходит от прил. интенсивный, из франц. intensif «интенсивный, усиленный» [Фасмер]
16. История – Русск. история — с эпохи Петра I; возможно, заимств. через нем. Historie (с XIII в.) [Фасмер]
17. Исторический – см. история
18. Капитан – происходит от поздн. лат. capitaneus «предводитель», из capit «голова», из праиндоевр. *kauput-. Русск. капитан — с 1615 г.; часто в XVII в.; скорее из ит. capitano, чем через польск. kapitan, судя по конечному ударению. [Фасмер]
19. Команда – начиная с Петра I (1700 г.); заимств. через франц. commande или нем. Kommando (с 1614 г.) [Фасмер]
20. Корабль – Древнее заимств. (ввиду б, а не в) из греч. καράβιον, κάραβος «судно» [Фасмер]
21. Крен – Обратное образование от *кренить*, словообразовательно переоформленного с помощью суф. -*и(ть)* голл. *krengen* «опрокидывать судно на бок» (при ремонте), того же корня, что и *kring* «круг». [Шанский]
22. Локальный – происходит от лат. localis «местный», далее из locus «место» [Фасмер]
23. Локация – заим. происходит от лат. locatio «размещение» [Фасмер]

24. Максимально – от прил. Максимальный, далее от сущ. Максимум, Заимств. в первой половине XIX в. из лат. яз., где *maximum* — ср. р. от *maximus* «самый большой», формы, превосх. степени от *magnus* «большой». [Шанский]

25. Мальчик для битья – фразеологическая калька с англ. *whipping boy*. Из повести (гл. 14) «Принц и нищий» (1882) американского писателя Марка Твена. [Мокиенко]

26. Манера – происходит от франц. *manière* «способ, манера, приём»; из лат. *manuarius* «ручной», далее из *manus* «рука» (восходит к праиндоевр. **men-*). Русск. манер — впервые у Петра I, 1701—1702 г.; манера — почти одновременно, наряду с манира. Первое заимств. через нем. *Manier* (с XVII в.), напротив, манера — через польск. *maniera* или непосредственно из франц. [Фасмер]

27. Маркер – происходит от англ. *marker* «тот, кто отмечает, маркёр», от гл. *mark* [Фасмер]

28. Метод – Русск. *мѣтод*, судя по ударению, заимств. через польск. *metod* или англ. *method*; вариант *метóда* — через польск. *metoda*, нем. *Methode* (XVII в.) или франц. *Méthode* [Фасмер]

29. Методично – От прил. методичный и сущ. методика, далее Русск. *мѣтод*, судя по ударению, заимств. через польск. *metod* или англ. *method*; вариант *метóда* — через польск. *metoda*, нем. *Methode* (XVII в.) или франц. *Méthode* [Фасмер]

30. Миф – происходит от др.-греч. *μῦθος* «слово, речь, рассказ, миф» [Фасмер]

31. Момент – Позднее заимствование, через нем. *Moment* (уже в XVII в.; см. Шульц-Баслер 2, 140) из лат. *mōmentum*, *movimentum от *moveō* «двигаю» [Фасмер]

32. Моральный – происходит от лат. *moralis* «моральный, нравственный» [Фасмер]

33. Океан – происходит от др.-греч. ὠκεανός «море, океан» [Фасмер]

34. Персонаж – происходит от франц. personnage «роль, действующее лицо» [Фасмер]

35. Персонализировать – от франц. personnaliser, от лат. Persona

36. Пик – происходит от франц. pic — то же [Фасмер]

37. Пиратский – происходит от сущ. Пират, заимствовано из французского, где pirate восходит к латинскому pirata, которое в свою очередь восходит к греческому peirates, образованному от глагола peiran — «искать счастья» [Фасмер]

38. План – Русск. план — впервые у Петра I (1704 г.); заимств. через польск. plan или нем. Plan (XVIII в.) из франц. Plan [Фасмер]

39. Политический – От сущ. Политика, далее из лат. (ars) politica, от politicus «касающийся государственных дел, политический». Русск. политика — начиная с Котошихина, Ф. Прокоповича и др.; заимств. через польск. polityka из лат. [Фасмер]

40. **Положительный** – Из гл. положить; словообразовательная калька лат. Positivus (pōnō (“положить, поместить”) + -ivus. [Фасмер]

41. Практически – происходит от прил. практический, далее от сущ. практика, из др.-греч. практиκή (χρήσις) «практическое (употребление)», далее из практикός «деятельный, действующий, практический», далее из πράσσω «проходить, делать, работать». В ряде европейских языков слово заимств. через лат. practica. Русск. практика — начиная с Ф. Прокоповича; заимств. через укр. практика, польск. praktyka из лат. [Фасмер]

42. **Развивать** – см. развитие

43. **Развитие** – калька нем. Entwicklung — то же, которое в свою очередь калькирует лат. evolūtiō или франц. Développement [Фасмер]

44. Реальность – происходит от прил. реальный, далее от поздн. лат. *realis* «действительный, относящийся к вещам», из класс. лат. *res* «вещь, дело»; дальнейшая этимология неясна. Русск. реальный заимств. через нем. *real*. [Фасмер]

45. Роман – Русск. роман заимств. через нем. *Roman* или скорее непосредственно из франц. [Фасмер]

46. Сеттинг – от англ. *setting* «окружение, окружающая обстановка»

47. Сиквел – происходит от англ. *Sequel*

48. Ситуация – происходит от ср.-лат. *situātiō* «расположение» от *situare* «располагать», далее из лат. *situs* «положение». Русск. ситуация — начиная с 1718 г., заимств. через польск. *Sytuacja* [Фасмер]

49. Сконцентрироваться – Русск. *концентрация* заимств. через нем. *Konzentration*. [Фасмер]

50. Смоделированный – от гл. смоделировать, далее от сущ. Модель, происходит от итал. *modello*, из вульг. лат. *modellus, уменьш. от лат. *modulus* «мера, мелодия; модуль». Русск. модель — впервые в 1703 г., у Петра I; заимств. через нем. *Modell* (с 1600 г.) или прямо из франц. *modèle*. [Фасмер]

51. Социальный – происходит от лат. *sociālis* «товарищеский, брачный, союзный» [Фасмер]

52. Специфический – происходит от лат. *specificus* «видовой, специфический», далее из *speciēs* «род, вид, разновидность» [Фасмер]

53. Стихия – происходит от др.-греч. *στοιχεῖον* «буква; элемент, стихия» [Фасмер]

54. Структура – происходит от лат. *structura* «строение» [Фасмер]

55. Сфокусированный – от сущ. «фокус». Русск. фокус — уже у Петра I; заимств. через нем. *Fokus* [Фасмер]

56. **Считать** – в значении «придерживаться мнения» семантическая калька с фр. *trouver* «находить, считать»

57. **Сюжет** – происходит от франц. *sujet*, от лат. *subjectum*, далее из лат. *subjectus* «лежащий внизу; подчинённый, подданный», далее из *subicere* (*subjicere*) «подкладывать, подставлять; подчинять», далее из *sub-* «под, ниже» + *jacere* «бросать», из праиндоевр. **ye-*. . Русск. сюжет заимств. из франц. яз. [Фасмер]

58. **Текст** – происходит от лат. *textus* «ткань; сплетение, связь, сочетание (слов)», от *texere* «ткать; плести» (восходит к праиндоевр. **tek-* «делать»). Русск. текст заимств. через нем. *Text* или непосредственно из лат. [Фасмер]

59. **Тема** – происходит от др.-греч. *θέμα* «положение, вопрос (для обсуждения), тема», далее из *τίθημι* «класть» (восходит к праиндоевр. **dhe-* «класть, девать»). В ряде европейских языков слово заимств. через лат. *thema*. В русском — также *фэма*, 1665 г. Заимств. через нем. *Thema* или из лат. Форма на -ф- непосредственно из греч. [Фасмер]

60. **Термин** – происходит от лат. *terminus* «пограничный камень, межевой знак; граница», далее из праиндоевр. **ter-*. Русск. термин — уже в 1705 г.; заимств. через польск. *termin*. [Фасмер]

61. **Технический** – происходит от сущ. техника, далее от др.-греч. *τέχνη* «искусство» [Фасмер]

62. **Точка зрения** – это калька с франц. *point de vue*, лат. *punctum visūs* — то же, откуда и нем. *Standpunkt*, англ. *point of view* — то же. [Фасмер]

63. **Трюм** – стар. *рюим*, при Петре I; см. Смирнов 268. Из голл. *'t ruim*, in *'t ruim* «помещение», откуда интрю́м «нижняя часть трюма» [Фасмер]

64. **Уникальность** – см. уникальный

65. Уникальный – происходит от лат. *unicum* «единственное» [Фасмер]
66. Фактически – происходит от прил. фактический, далее от сущ. факт, из лат. *factum* «сделанное, деяние, действие, поступок» [Фасмер]
67. Фэнтези – происходит от англ. *fantasy* «воображение; фантазия»
68. Характер – Русск. характер — первонач. со знач. «должность» — начиная с Ф. Прокоповича. Заимств. через польск. *charakter* «характер, сан» [Фасмер]
69. Характеристики – происходит от др.-греч. *χαρακτηριστικός* «отличительный», далее из *χαρακτήρ* «черта, знак, примета» [Фасмер]
70. Центр – Русск. центр — уже в XVII в., заимств., очевидно, через нем. *Zentrum*. [Фасмер]
71. Цикл – Русск. цикл (также стар. цыklus) зафиксировано при Петре I; заимств. через польск. *cykl* или нем. *Zyklus* — то же из лат. [Фасмер]
72. Шторм – Из нидерл. *storm* «буря» [Фасмер]
73. Экипаж – происходит от франц. *équipage* «выезд; снаряжение; экипаж» (с середины XVI века, в форме *escirage* — с середины XV века); Русск. экипаж в знач. «команда корабля» — начиная с Петра I [Фасмер]
74. Экстенсивный – происходит от лат. *extensivus* «растяжимый» [Фасмер]
75. Элемент – заимств. через нем. *Element* (происходит от лат. *elementum* «первичная материя, стихия; первоначало») [Фасмер]
76. Эмоциональный – от сущ. Эмоция, происходит от франц. *émotion* «эмоция» [Фасмер]
77. Эпический – происходит от существительного эпос, далее от *ἔπος* «слово; весть» [Фасмер]

Итак, в первой статье нами было обнаружено достаточно много заимствованных лексических единиц. (Более детальные статистические подсчеты и их анализ будут произведены нами ниже). Иноязычное происхождение некоторых слов, таких как «персонализировать», «сеттинг», «сиквел», «фэнтези», ощущается носителями русского языка интуитивно, но не все эти лексические единицы на сегодняшний день обнаруживаются в словарях. Отсюда можно сделать вывод, что источник этих и других слов – английский язык – оказывает все большее влияние на словарный состав русского языка.

В получившемся списке сравнительно мало калек. Одна из них – слово «ветрогон» – является понятием из фантастического мира книги «Зов костяных кораблей» и обозначает выдуманных автором птицеподобных существ. В оригинале данное слово звучит как *windseer* – от англ. *wind* – ветер и глагола *to see* – видеть. Таким образом, это понятие означает существо, способное «видеть ветер».

Переводчик романа принял решение адаптировать данное слово, переведя его как «ветрогон», то есть использовать неточную кальку. В словаре Д. Н. Ушакова находим следующие определения этого слова: 1) вращающийся снаряд с лопастями для создания воздушной струи, напр. в веялке (тех.). 2) то же, что ветреник (прост.), то есть легкомысленный, пустой человек, вертопрах.

На основе этих данных решение переводчика представляется нам сомнительным, поскольку придает оригинальному понятию изначально не заложенную в него негативную коннотацию. Возможной альтернативой могло бы выступить слово «ветровидец», являющееся точной калькой английского *windseer*.

Другие словообразовательные кальки, обнаруженные нами в тексте статьи, это слова «вселенная», «положительный» и «развитие». Первые две являются достаточно старыми, пришедшими из древнегреческого и

латыни соответственно, а слово «развитие» в русском языке появилось через посредство немецкого, являясь там также калькой с латыни или французского. Отсюда можно сделать вывод, что тесное взаимодействие русского языка с европейскими уходит корнями в глубокую старину и порождает большое количество словообразовательных калек, которые успешно ассимилируются в лексической системе.

К семантическим калькам относится встречающееся в статье слово «считать», получившее под влиянием французского языка значение «придерживаться мнения, находить». Стоит отметить, что в русском языке подобных калек с французского больше, чем с какого-либо другого языка, что объясняется культурно-историческими причинами.

Обнаруживаются в тексте рецензии и фразеологические кальки. Из английского языка в русский попало выражение «мальчик для битья» (от англ. *whipping boy*), встречающееся в 14 главе повести «Принц и нищий» (1882) американского писателя Марка Твена. С французского языка калькирован оборот «точка зрения» (фр. *point de vue*), перенятый, в свою очередь, из латыни – не только французским, но и немецким, и английским языками. Таким образом, калькированию поддаются даже сложные понятия, которые отражают близкие носителям разных языков реалии.

Во второй выбранной нами статье Е. Щетиной под заголовком «Ярослав Калфарж “Космонавт из Богемии”. Философские беседы с космическим пауком» обнаруживаем следующие заимствования и кальки:

1. Авторский – от сущ. автор, происходит от польск. *autor* «автор, создатель, творец» через зап.-рус. Посредство. Заимствовано в XVII в. [Шанский]

2. Антураж – от франц. *entourage* «окружение, среда» (с 1538 г.), от гл. *entourer* «окружать», далее от *entour* «кругом» (с X века в форме *entorn*, соврем. написание — с XIV века), из *en-* + *tour*. [Фасмер]

3. Балл – От франц. *balle* «шар» [Фасмер]
4. Галлюцинация – Происходит от лат. *alucinatio* (более поздние формы: *allucinatio*, *hallucinatio*) «бессмысленная болтовня, бредни», от *alucinari* «говорить вздор» [Фасмер]
5. Герой – Русск. герой заимств., вероятно, через франц. *héros* «герой» [Фасмер]
6. Депрессия – Происходит от франц. *depression*, исходящее от лат. *deprimo*, *depressum* «давить» [Фасмер]
7. Деталь – Происходит от франц. *Détail* [Фасмер]
8. **Еженедельный** – Из еже- + недельный (неделя), далее от общеслав. **nedělja*; первонач. знач. — «нерабочий день, воскресенье» (не + дело). **nedělja* скорее всего калькирует лат. *feria*, *diēs feriāta*, чем греч. ἄπρακτος ἡμέρα. Калька из греч. менее вероятна ввиду распространения этого слова в зап.-слав. Словообразовательная калька [Фасмер]
9. Жанр – от франц. *genre* «род, порода» [Фасмер]
10. Жанровый – от сущ. жанр, от франц. *genre* «род, порода» [Фасмер]
11. Идентичность – Происходит от лат. *identitas* «тождественность» (с V века) [Фасмер]
12. Идея – Происходит от др.-греч. *idéa* «вид, понятие, образ» [Фасмер]
13. Инопланетный – Русск. формы планета, планида — через польск. *planeta* из лат. *Planēta* [Фасмер]
14. Инопланетянин – см. инопланетный
15. Интригующий – от гл. интриговать от сущ. интрига, далее от франц. *intrigue* от лат. *intricare* «запутывать». Русск. интрига заимствовано в начале XVIII века через польск. *intryga* или нем. *Intrige*. [Фасмер]
16. Исторический – от сущ. история; Русск. история — с эпохи Петра I; возможно, заимств. через нем. *Historie* (с XIII в.) [Фасмер]

17. История – Русск. история — с эпохи Петра I; возможно, заимств. через нем. Historie (с XIII в.) [Фасмер]
18. Каркас – Из франц. carcasse «скелет» [Фасмер]
19. Клишированный – от сущ. клише, от франц. cliché «клише», далее из clichet «стереотипировать; клишировать» [Фасмер]
20. Контакт – Заимств. в XIX в. из франц. или нем. яз., где contact, Kontakt < лат. contactus, суф. производного от contingere «прикасаться, дотрагиваться», преф. образования от tangere «трогать, касаться». [Шанский]
21. Космический – см. космос
22. Космонавт – Происходит от др.-греч. κόσμος «украшение, наряд; порядок; мир». и др.-греч. ναύτης «мореплаватель»
23. Космос – Происходит от др.-греч. κόσμος «украшение, наряд; порядок; мир». [Фасмер]
24. Лавировать – Происходит от нидерл., нж.-нем. laveeren или нов.-в.-нем. lavieren (с XV в.) из франц. louvoyer «лавировать» (с XVII века), из стар. lofuyer (с 1529 г.), далее из lof* + -oyer. Русск. впервые в Уст. морск. 1720 г. [Фасмер]
25. Линия – Происходит от лат. linea (в выраж. linea restis) «льняная нить, шнур; линия», ж. р. от прил. lineus «льняной, полотняный», далее из linum «лён», далее из праиндоевр. *līn- «лён». Русск. линия (также стар. линея) — начиная с Петра I; заимств. через польск. linia или нем. Linie. [Фасмер]
26. Литература – Происходит от лат. litteratura (literatura) «написанное, рукопись, сочинение; азбука; образованность», далее из littera (litera) «буква», далее из неустановленной формы. Русск. литература заимств. через нем. Literatur, встречается с XVI в. [Фасмер]
27. Маркер – Происходит от англ. marker «тот, кто отмечает, маркёр», от гл. mark [Фасмер]

28. Миссия – Происходит от лат. *missio* «посылка, отправление», далее из *mittere* «бросать, метать; выпускать; посылать», далее из неустановленной формы. Русск. миссия, вероятно, заимств. через польск. *misja* или нем. *Mission*. [Фасмер]

29. Морально – Происходит от лат. *moralis* «моральный, нравственный» [Фасмер]

30. Мотив – Происходит от ср.-лат. *motivus* «подвижный», из *motus* «движение», далее из *movēre* «двигать», из праиндоевр. **meue-* Русск. мотив заимств. через нем. *Motiv* «мотив» или непосредственно из франц. *motif*. [Фасмер]

31. Национальный – от сущ. нация, происходит от лат. *natio* «рождение, происхождение; племя, народ», от гл. *nasci* «рождаться, происходить», далее из архаичн. *gnasci*; восходит к праиндоевр. **gen-/*gn-* «порождать, производить». Русск. нация — начиная с Петра I; заимств. через польск. *nasja*. [Фасмер]

32. Нейтральный – от лат. *neutralis* «средний» от лат. *neuter* «ни один из обоих; ни тот, ни другой; индифферентный». Русск. нейтральный через нем. *neutral* или франц. *neutral*, польск. *neutralny*. [Фасмер]

33. Оформленный – от сущ. форма, от лат. *forma* «форма, вид, образ», далее, предположительно, связано с др.-греч. *μορφή* — то же. Русск. форма — с XVII века, заимств. через польск. *forma*. [Фасмер]

34. Персонаж – Происходит от франц. *personnage* «роль, действующее лицо» [Фасмер]

35. Политический – От сущ. Политика, далее из лат. *(ars) politica*, от *politicus* «касающийся государственных дел, политический». Русск. политика — начиная с Котошихина, Ф. Прокоповича и др.; заимств. через польск. *polityka* из лат. [Фасмер]

36. Проза – Происходит от лат. *prosa (oratio)* «прямолинейная, прямая (речь)», форма ж. р. от *prosus (prorsus)* «прямой, простой,

несвязанный»; восходит к стар. *provorsus* «двигающийся прямо вперёд»; из *pro* «вперёд, для, за, вместо» + *vorsus*, от *vertere* «вращать». Русск. проза заимств. через франц. *prose* или нем. *Prose*. [Шведова]

37. Реализм – Происходит от франц. *réalisme* «реализм» [Фасмер]

38. Рефлексия – через польск. *refleksja* из лат. *reflexiō* «загибание» [Фасмер]

39. Роман – Русск. роман заимств. через нем. *Roman* или скорее непосредственно из франц. [Фасмер]

40. Сентиментальный – Из нем. *sentimental* «сентиментальный, чувствительный» [Фасмер]

41. Сигара – Происходит от исп. *cigarro* (возможно, под влиянием исп. *cigarra* «цикада») [Фасмер]

42. Соавторство – от сущ. автор, происходит от польск. *autor* «автор, создатель, творец» через зап.-рус. Посредство. Заимствовано в XVII в. [Шанский]

43. Социальный – происходит от лат. *sociālis* «товарищеский, брачный, союзный» [Фасмер]

44. **Старомодный** – полукалька с немецкого *altmodisch* (*alt* «старый» + *modisch* «модный»); впервые мода у Петра I (см. Смирнов 198), также у Фонвизина (см. Преобр. I, 544). Через нем. *Mode* (с XVII в., см. Шульц-Баслер 2, 126) или из франц. *mode* от лат. *modus* «мера (предмета); правило, предписание; образ, способ» [Фасмер]

45. Стигматизация – от сущ. стигма, греч. *stigma* – пятно. [Москвин]

46. Текст – Происходит от лат. *textus* «ткань; сплетение, связь, сочетание (слов)», от *texere* «ткать; плести» (восходит к праиндоевр. **tek-* «делать»). Русск. текст заимств. через нем. *Text* или непосредственно из лат. [Фасмер]

47. Тема – Происходит от др.-греч. θέμα «положение, вопрос (для обсуждения), тема», далее из τίθημι «класть» (восходит к праиндоевр. *dhe- «класть, девать»). В ряде европейских языков слово заимств. через лат. thema. В русском — также фэма, 1665 г. Заимств. через нем. Thema или из лат. Форма на -ф- непосредственно из греч. [Фасмер]

48. Технически – Происходит от сущ. техника, далее от др.-греч. τέχνη «искусство» [Фасмер]

49. Типичный – Происходит от сущ. тип, из др.-греч. τύπος «удар, след, отпечаток», далее из τύπτω «бить», далее из праиндоевр. *taup-, *staup- «бить, топтать». Русск. тип — впервые в знач. «изображение» (Ф. Прокопович), заимств. через франц. type «оттиск, прообраз, тип». [Фасмер]

50. Травма – из др.-греч. τραῦμα (род. п. τραύματος) «рана, повреждение» [Фасмер]

51. Травмированный – от гл. травмировать, далее от сущ. травма, далее из др.-греч. τραῦμα (род. п. τραύματος) «рана, повреждение» [Фасмер]

52. Трагично – Образовано с помощью суффикса -ичн от трагедия, далее от др.-греч. τραγῳδία. Русск. трагедия заимств. через нем. Tragödie из лат. [Фасмер]

53. Трансляция – От лат. translatio «перенос, перемещение; перевод» [Фасмер]

54. Триллер – от англ. thrill — трепет, волнение

55. Трогательный – Словообразоват. калька конца XVIII в франц. touchant — суф. производного от toucher «волновать» < «трогать» < «касаться» (а «трогать» - это семантическая калька) [Фасмер]

56. Фактурный – Происходит от сущ. фактура, далее из лат. factura «обработка, изготовление» [Фасмер]

57. **Фантастика** – Происходит от существительного фантазия, далее от лат. *phantasia*, далее из др.-греч. *φαντασία* от *φαντάζω*. Русск. фантазия — уже у Петра I; заимств. через польск. *fantazja* или итал. *fantasia*. [Фасмер]

58. **Фантастический** – см. фантастика

59. **Фантдопущение** – см. фантастика

60. **Феномен** – Заимств. в XVIII в. из франц. яз., где *phénomène* < греч. *phainomenon* «явление», суф. производного от *phainō* «являю(сь), показываю». Ср. явление (словообразоват. калька вышеназванного франц. слова). [Шанский]

61. **Физически** – от сущ. физика, происходит от др.-греч. *τὰ φυσικά* или *φυσική* (*ἐπιστήμη*) от *φύσις* «вещество; природа, характер», далее из *φύω* «рождать, создавать», далее из праиндоевр. **bheu-* «существовать, расти». В ряде европейских языков слово заимств. через лат. *physica* «наука о природе». Русск. физика — уже у Ф. Прокоповича; заимств. через польск. *fizyka* из лат. [Фасмер]

62. **Фон** – Происходит от франц. *fond* «дно; глубина», далее из лат. *fundus* «дно; основание, земля, поместье», далее из праиндоевр. **bhudh-* «дно». Русск. фон заимств. через нем. *Fond*. [Фасмер]

63. **Фрустрация** – Происходит от лат. *frustratio* «обман, тщетное ожидание» [Фасмер]

64. **Цель** – Через польск. *cel* из ср.-в.-н. *zīl* «цель» [Фасмер]

65. **Человечность** – калькирует нем. *Menschlichkeit* — то же, франц. *humanité* «человечество, человечность», лат. *hūmānitās*. Словообразовательная калька [Фасмер]

66. **Шпионский** – от сущ. шпион, происходит от нем. *Spiön* — то же от итал. *spione*, которое основано на герм. форме, родственной нем. *spähen* «высматривать, наблюдать, следить». Русск. начиная с Ф. Прокоповича, 1703 г. [Фасмер]

67. Эгоизм – Происходит от франц. egoisme, egoiste из лат. ego «я» (восходит к праиндоевр. *ego). Франц. термины введены в XVIII веке. [Фасмер]

68. Экзистенциализм – см. экзистенциальный

69. Экзистенциальный – Происходит от лат. existentialis «относящийся к существованию» [Фасмер]

70. Экшен – от англ. action – действие

71. Элемент – заимств. через нем. Element (происходит от лат. elementum «первичная материя, стихия; первоначало») [Фасмер]

72. Эскапизм – Происходит от англ. escapism, из escape «убежать, спастись»

В данном списке, как и в предыдущем, также насчитывается несколько сравнительно недавних заимствований, не все из которых попали в словари: триллер, экшен, эскапизм. Все эти слова пришли из английского языка, что подтверждает вывод, сделанный на основании материалов предыдущего списка: влияние английского на русский язык настолько велико, что принимающая система идет по пути наименьшего сопротивления, включая в активный словарный состав прямые заимствования.

Калек в списке всего четыре, все они словообразовательные. «Еженедельный» – а именно производящее слово «неделя» – калькировано из латыни на раннем этапе развития языка; «еже-» является префиксоидом, поэтому слово «еженедельный» мы не относим к полукалькам. В свою очередь прилагательное «старомодный», по нашему предположению, является полукалькой с немецкого altmodisch (alt «старый» + modisch «модный»); немецкое происхождение слова «мода» подтверждается словарем Фасмера. Прилагательное «трогательный» калькирует французское touchant – суф. производное от toucher «волновать» < «трогать» < «касаться», при этом глагол «трогать» в

значении «волновать» мы отнесли бы к семантическим калькам. Иноязычного происхождения и слово «человечность», калька с нем. Menschlichkeit.

Итак, мы рассмотрели заимствования и кальки, употребленные автором рецензий на переводные новинки фантастической литературы. Обратимся к тексту У. Скибиной, в котором она обозревает роман отечественного автора. В статье под заголовком «Эдуард Веркин “снарк снарк”. Русский “стивенкинг” – беспощадный и бессмысленный» встречаются следующие лексические единицы:

1. Абсурд – происходит от лат. *absurdus* ‘неблагозвучный; нелепый’ из *ab-* «от» + *surdus* «глухой» [Фасмер]

2. Абсурдистский – см. абсурд

3. Абсурдный – см. абсурд

4. Администрация – происходит от лат. *administratio* «управление, обслуживание» [Фасмер]

5. Аннотация – происходит от лат. *annotatio* «примечание, замечание» [Фасмер]

6. Атмосфера – из лат. *Atmosfera*, далее из др.-греч. [Фасмер]

7. Банковский – происходит от сущ. банк, из итал. *banco* «лавка, стол (для раскладывания монет у менялы)» [Фасмер]

8. Бизнес – происходит от англ. *business*

9. Бизнесмен – происходит от англ. *businessman* «предприниматель», далее из *business* «бизнес; занятость» + *man* «человек»

10. Герой – Русск. герой заимств., вероятно, через франц. *héros* «герой» [Фасмер]

11. Готика – происходит от нем. *Gotik*, из франц. *gothique* от франц. *Goth* «гот» [Фасмер]

12. Гротескный – происходит от сущ. гротеск, далее из франц. grotesque «причудливый, смешной, комичный» [Фасмер]
13. Гуманизм – Заимствование из немецкого языка, где слово Humanismus («гуманизм») было образовано искусственно от латинской основы (humanus по-латински — «человеческий»). [Фасмер]
14. Детектив – происходит от англ. detective «детективный; детектив»
15. Динамика – от греч. δύναμις «сила, мощь» [Фасмер]
16. Жанр – происходит от франц. genre «род, порода» [Фасмер]
17. Интеллигент – происходит от лат. intelligens (intellegens) «сведущий, понимающий» [Фасмер]
18. Йети – от англ. yeti < тибет. [Крысин]
19. Катализатор – от нем. Katalysator < греч. — см. катализ. [Крысин]
20. Кепка – это Искон. Суф. производное от *кепи* < франц. *képi*, заимств. из нем. яз., где *Käppi* — уменьшит.-ласкат. от *Kappe* «колпак, берет», восходящего к ср.-лат. *sarra* «плащ с капюшоном». [Шанский]
21. Классический – происходит от лат. classicus «относящийся к первому классу граждан Рима» [Фасмер]
22. Литература – происходит от лат. litteratura (literatura) «написанное, рукопись, сочинение; азбука; образованность», далее из littera (litera) «буква», далее из неустановленной формы. Русск. литература заимств. через нем. Literatur, встречается с XVI в. [Фасмер]
23. Магический – происходит от нем. Magisch [Фасмер]
24. Маскирующийся – от гл. маскироваться, образовано добавлением -ся к гл. маскировать, далее от нем. maskieren «маскировать», далее из франц. masquer, от сущ. masque «маска» [Фасмер]
25. Метафора – происходит от др.-греч. μεταφορά «перемещение, перенос; переносное значение» [Фасмер]

26. Мистика – От др.-греч. μυστικός «мистерийный», далее из μύεω «посвящать, вводить в таинства» [Фасмер]

27. Мифический – Суффиксное производное от сущ. миф, далее от др.-греч. μῦθος «слово, речь, рассказ, миф» [Фасмер]

28. Натура – Вероятно, через польск. natura «природа» из лат. Nātūra [Фасмер]

29. Пародия – происходит от др.-греч. παρῳδία «пение наизнанку», из παρά «возле, рядом» + ᾠδή «песнь; лирическое стихотворение», далее из праиндоевр. *e-weid-. В ряде европейских языков слово заимств. через лат. parōdia. Русск. пародия — книжное заимствование через польск. parodja или прямо из латыни. [Фасмер]

30. Период – Русск. период — начиная с Петра I, заимств. через франц. période из лат. [Фасмер]

31. Персонаж – происходит от франц. personnage «роль, действующее лицо» [Фасмер]

32. Персонифицированный – происходит от гл. персонифицировать из нем. Personifizieren [Фасмер]

33. Постмодернистский – от сущ. постмодерн, лат. post — после и modernus — современный [Крысин]

34. Поэма – От др.-греч. ποίημα «изделие; произведение; стихотворение, поэма» [Фасмер]

35. Поэтический – от сущ. поэзия, происходит от лат. poēsis от греч. ποίησις «творчество», из ποιέω «делаю, создаю». Русск. поэзия — уже у Тредиаковского; заимств. через польск. poezja. [Фасмер]

36. Практически – происходит от прил. практический, далее от сущ. практика, из др.-греч. практиκή (χρήσις) «практическое (употребление)», далее из практиκός «деятельный, действующий, практический», далее из πράσσω «проходить, делать, работать». В ряде европейских языков слово заимств. через лат. practica. Русск. практика —

начиная с Ф. Прокоповича; заимств. через укр. прáктика, польск. *praktyka* из лат. [Фасмер]

37. **Представление** – словообразовательная калька с немецкого *Vorstellung*

38. **Провинциальный** – происходит от сущ. провинциал, далее из лат. *provincialis* «провинциальный» [Фасмер]

39. **Прогресс** – происходит от лат. *progressus* «успех; букв. продвижение», далее от лат. *prōgredi* «продвигаться вперёд», из *pro-* «перед» + *gradī* «шагать, ступать». Русск. прогресс — начиная с Петра I; заимств. через польск. *progres* или нем. *Progress* (с 1600 г.) [Фасмер]

40. **Реализм** – происходит от франц. *réalisme* «реализм» [Фасмер]

41. **Рефлексирующий** – см. рефлексия

42. **Рефлексия** – через польск. *refleksja* из лат. *reflexiō* «загибание» [Фасмер]

43. **Роман** – Русск. роман заимств. через нем. *Roman* или скорее непосредственно из франц. [Фасмер]

44. **Сеттинг** – от англ. *setting* «окружение, окружающая обстановка»

45. **Ситуация** – происходит от ср.-лат. *situātiō* «расположение» от *situare* «располагать», далее из лат. *situs* «положение». Русск. ситуация — начиная с 1718 г., заимств. через польск. *Sytuacja* [Фасмер]

46. **Снарк** – от англ. *snark*, вымышленное существо, герой поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка»

47. **Сюжет** – происходит от франц. *sujet*, от лат. *subjectum*, далее из лат. *subjectus* «лежащий внизу; подчинённый, подданный», далее из *subicere* (*subjicere*) «подкладывать, подставлять; подчинять», далее из *sub-* «под, ниже» + *jacere* «бросать», из праиндоевр. **ye-*. Русск. сюжет заимств. из франц. яз. [Фасмер]

48. Театр – происходит от др.-греч. θέατρον «место для зрелищ, театр», из θεάομαι «смотреть, видеть, созерцать». Русск. театр — начиная с Петра I; также в форме феатр; заимств. через франц. théâtre из лат. Theātrum [Фасмер]

49. Текст – происходит от лат. textus «ткань; сплетение, связь, сочетание (слов)», от texere «ткать; плести» (восходит к праиндоевр. *tek- «делать»). Русск. текст заимств. через нем. Text или непосредственно из лат. [Фасмер]

50. Темп – От итал. tempo, от лат. tempus «время» [Фасмер]

51. Типаж – от фр. tyage < греч. — см. типичный. [Крысин]

52. Типичный – происходит от сущ. тип, из др.-греч. τύπος «удар, след, отпечаток», далее из τύπτω «бить», далее из праиндоевр. *taur-, *staup- «бить, топтать». Русск. тип — впервые в знач. «изображение» (Ф. Прокопович), заимств. через франц. type «оттиск, прообраз, тип». [Фасмер]

53. Том – От франц. tome, далее из лат. tomus «кусочек бумаги, часть книги» [Фасмер]

54. Традиция – происходит от лат. traditio «передача, вручение, предание, давняя привычка» [Фасмер]

55. Урбанистика – от сущ. урбанизм, из фр. urbain «городской»

56. Финал – происходит от лат. finalis «предельный, пограничный, конечный», от finis «предел, граница, конец», далее из неустановленной формы; вероятно, связано с figo «укреплять» Русск. финал заимств. через нем. Final (с XVII в.) или франц. finale из итал. finale. [Фасмер]

57. Фраза – происходит от др.-греч. φράσις «ораторский оборот», далее из φράζω «выражаю мысль, говорю», далее из неустановленной формы. В ряде европейских языков слово заимств. через лат. phrasis. Русск. фраза заимств. через нем. Phrase — то же (с XVII в.) или франц. phrase. [Фасмер]

58. Хоррор – Из англ. horror, далее из лат. horroг «ощепенение; страх, ужас». [Скляревская]

59. Хтонический – из др.-греч. χθών «земля, почва» [Крысин]

60. Хтонь – см. хтонический

61. Эпопея – происходит от др.-греч. ἐποποιΐα «эпическая поэзия, эпопея» [Фасмер]

Итак, при схожем объеме (он будет указан ниже) всех трех анализируемых нами текстов в рецензии на русскоязычный роман оказалось немного меньше заимствований, чем в обзорах переводных новинок. При этом в словарице к этой статье обнаруживается всего одна словообразовательная калька – слово «представление», полученное путем поморфемного перевода немецкого *Vorstellung*. Здесь стоит отметить, что мы намеренно не включили в список встречающееся в статье слово «битва», которое некоторые ученые называют калькой с латинского *battalia*, заимствованной через западнорусское посредство в XVI–XVII вв. и дополнившей более древнее «бой» [60]; происхождение данного слова в отечественной науке традиционно считается праславянским (см. словарь Фасмера), поэтому мы остановимся на устоявшейся точке зрения. К более точным и наглядным подсчетам, которые позволят нам сделать определенные выводы о процессах заимствования и калькирования в русском языке, обратимся в следующем параграфе.

2.3. Статистические подсчеты и анализ полученных данных

После составления списка заимствований и калек для каждой из рассматриваемых статей нами была проведена следующая работа: был произведен подсчет общего количества знаменательных лексем и их словоформ в тексте статьи, все слова выписаны в столбец. Этот столбец стал первой графой нашей рабочей таблицы.

Во втором столбце таблицы были выписаны и подсчитаны все заимствованные слова и словоформы, исключая имена собственные,

которые не несут в себе информации о процессах заимствования и калькирования и, соответственно, не должны учитываться нами в статистических подсчетах.

В третий столбец были внесены все калькированные слова, встречающиеся в тексте статьи. Таким образом были составлены три таблицы для каждой из рассматриваемых рецензий.

Наглядность и удобство такого рода представления информации позволили нам оперативно произвести подсчет процентного соотношения знаменательных слов и заимствований, а также заимствований и калек для каждого из текстов. Приведем результаты подсчета.

В статье Е. Щетининой «Р. Дж. Баркер “Зов костяных кораблей”. Приключения в морском антураже» знаменательных слов 387, заимствованных слов – 109 (28% всех знаменательных слов), калек – 12, но одна из них, слово «считать», является семантической, поэтому в подсчете процентного соотношения мы ее не учитываем. Оставшиеся 11 употребленных в тексте калек составляют 10% всех найденных заимствований. При этом 8 калек являются словообразовательными (66% всех калек), 3 – фразеологическими (25% калек).

В рецензии того же автора на роман Ярослава Калфаржа «Космонавт из Богемии» нами обнаружено 429 знаменательных слов, из них 99 заимствований (23% всех знаменательных слов), словообразовательных калек – 5 (5% всех заимствований). Другие виды калек в этом тексте не встречаются. При этом для некоторых употребленных в тексте прямых заимствований – например, для слова «феномен» – в русском языке существуют калькированные альтернативы: для слова «феномен», заимствованного из французского языка, такой альтернативой выступает слово «явление», словообразовательная калька этого же французского слова. Данное наблюдение приводит нас к выводу о том, что носители языка в некоторых ситуациях делают выбор в пользу прямого

заимствования, а не существующей кальки, и эта тенденция ярко характеризует текущие процессы в лексической системе русского языка.

В статье У. Скибиной «Эдуард Веркин “снарк снарк”. Русский “стивенкинг” – беспощадный и бессмысленный» обнаруживаем интересное соотношение знаменательных слов и заимствований. Из 433 знаменательных слов заимствованными являются 95 (22%), при этом среди заимствований обнаруживается всего одна словообразовательная калька (1% заимствований).

Итак, при приблизительно равном объеме рассматриваемых статей (387, 429 и 433 знаменательных слова соответственно) мы получили любопытные статистические данные по поводу частотности употребления иноязычных слов (28%, 23% и 22% всех знаменательных слов соответственно). Большой процент заимствований наблюдается в первых двух статьях, предметом которых являются новинки переводной фантастической литературы, что подтверждает нашу гипотезу о том, что тема текста определенным образом влияет на выбор автором иноязычных или исконно русских слов.

При этом следует отметить, что в каждом из трех текстов достаточно высок (близится к третьей или пятой части всех слов) процент заимствований, но достаточно низок (не более 10%) процент калек среди заимствований.

Таким образом, результаты исследования, проведенного во второй главе, позволяют констатировать, что в русском языке сегодня достаточно часто употребляются слова иноязычного происхождения, и носители делают выбор скорее в пользу прямых заимствований, чем калек, что говорит об ослаблении тенденции к сохранению чистоты языка: авторы текстов идут по наиболее легкому пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в данной работе мы рассмотрели закономерности процесса калькирования как способа словопроизводства на материале современного периодического издания – журнала «Мир фантастики».

В ходе изучения теоретической литературы о различных способах словообразования в русском языке мы установили роль заимствований в процессе пополнения его словарного состава, рассмотрели точки зрения ученых на калькирование как способ словообразования, проследили историю калькирования в контексте истории русского литературного языка, а также проанализировали известные классификации калек. В результате классификация, предложенная Н. С. Араповой, была выбрана нами как наиболее подходящая в качестве базы для данного исследования.

В рамках практического исследования были проведены количественный и качественный эксперименты: мы выполнили анализ языкового материала, выписанного с помощью метода сплошной выборки, объяснили причины появления разных видов заимствования. На основе полученных данных мы описали функционирование заимствований и калек в современном русскоязычном публицистическом тексте и сделали вывод о том, что на сегодняшний день в русском языке достаточно часто употребляются слова иноязычного происхождения. При этом носители делают выбор скорее в пользу прямых заимствований, чем калек, что демонстрирует склонность авторов текстов к использованию «готового решения» вместо требующего времени и усилий подбора аналогичного слова.

Тема данного исследования, несомненно, имеет перспективы для дальнейшего изучения. Сделанные наблюдения могут быть проверены на материале других современных периодических изданий. Интересен в силу своей сложности также анализ текста с целью обнаружения не только

словообразовательных, но и грамматических (морфологических, синтаксических) калек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Список научной литературы

1. Авина, Н. Ю. Калькирование в ситуации этнокультурного взаимодействия / Н. Ю. Авина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2009. – Т. 68. – № 6. – С. 28-35. – EDN LNJLPB.
2. Английский язык : курс перевода : книга для студентов / Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова. – Ростов-на-Дону ; Москва : МарТ, 2005. – 267 с.
3. Арапова, Н. С. Кальки в русском языке послепетровского периода : Опыт слов. / Н. С. Арапова. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 319 с. – ISBN 5-211-04026-0.
4. Балалыкина, Э. А. Русское словообразование / Э. А. Балалыкина, Г. А. Николаев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985. – 183 с.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
6. Басовская, Е. Н. Советский лингвистический пуризм: слово и дело (на материале периодики 1920-1930-х годов) / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – № 7(69). – С. 114-124. – EDN NXZBCP.
7. Бондарева, Е. В. Калькирование языковых единиц как социолингвистический феномен (на материале заимствований из английского языка в русский язык) : специальность 10.02.00 "Языкознание" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Е. В. Бондарева. – Владивосток, 2018. – 25 с. – EDN QWLXFO.

8. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – 3. изд. – Москва : Добросвет-2000, 2003. – 543 с.
9. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев : Вища шк., 1979. – 263 с.
10. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.
11. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. : Пособие для высших педагог. учеб. заведений / В. В. Виноградов. – Москва : Учпедгиз, 1938. – 448 с.
12. Горбов, А. А. К вопросу о семантическом калькировании и "вторичном заимствовании" в русском языке рубежа XX-XXI веков / А. А. Горбов // Вопросы языкознания. – 2015. – № 1. – С. 87-101. – EDN TJRGUN.
13. Дубровина, В. Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. / В. Ф. Дубровина // Источниковедение и история русского языка / ред. С. И. Котков, В. Ф. Дубровина. – Москва : Наука, 1964. – С. 44-59.
14. Ефремов, Л. П. Основы теории лексического калькирования / Л. П. Ефремов. – Алма-Ата : КазГУ, 1974. – 191 с.
15. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1974. – 174 с.
16. Зеленин, А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939) / А. Зеленин. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2007. – 378 с. – ISBN 978-5-86547-458-6. – EDN ZUZOUF.
17. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – Москва : Просвещение, 1973. – 367с.
18. Земская, Е. А. Язык как деятельность : морфема, слово, речь / Е. А. Земская. – Москва : Яз. славян. культуры, 2004. – 681 с.

19. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Е. Т. Черкасова, К. П. Смолина, Е. С. Копорская ; предисл. Ф. П. Филина. – Москва : Наука, 1981. – 374 с.
20. Кириллова, Н. В. Заимствование иностранных слов в русском языке / Н. В. Кириллова // Экстернат.РФ : электронный журнал. – 2013. – URL: <http://ext.spb.ru/2011-03-29-09-03-14/100-russian/2407-2013-02-24-08-54-55.html> (дата обращения: 25.11.2022).
21. Кронгауз, М. А. Язык мой - враг мой? / М. А. Кронгауз // Новый мир. – 2002. – № 10. – С. 135-141.
22. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27-36. – EDN PVNQSB.
23. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : Издательство "Языки славянских культур", 2004. – 884 с. – (Studia philologica). – ISBN 5-94457-183-7. – EDN PWAPIJ.
24. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – Москва : Знак, 2008. – 318 с.
25. Крысин, Л. П. Современный русский язык : лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 031000 и специальности 031001 "Филология" / Л. П. Крысин. – Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – 2-е изд., стер.. – Москва : Академия, 2009. – 239 с. – (Высшее профессиональное образование). – ISBN 978-5-7695-6627-1. – EDN QUMIVH.
26. Кудряшова, С. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта / С. В. Кудряшова // Известия высших учебных заведений. – Поволжье, 2015. – №4. – С. 66-75.

27. Купова, Ю. Н. Калькирование из английского в русский язык / Ю. Н. Купова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 74-79. – EDN PKEFXR.

28. Лефтер, А. Д. Английские кальки в русском языке / А. Д. Лефтер, М. С. Амелькина // Лучшие студенческие исследования : сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 марта 2021 года. – Пенза : "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. – С. 117-119. – EDN IZSWDD.

29. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

30. Линник, Т. Г. Проблемы языкового заимствования / Т. Г. Линник / Языковые ситуации и взаимодействие языков / ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Наукова думка, 1989. – С. 154-169.

31. Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка : учебное пособие / Е. В. Маринова. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 292 с. – ISBN 978-5-9765-1246-7.

32. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в. : проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – 495 с.

33. Маринова, Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах : словарь-справочник / Е. В. Маринова. – 3-е изд., стер. – Москва : Флинта : Наука, 2017. – 238 с. – ISBN 978-5-9765-1560-4.

34. Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Матвеева Ольга Владимировна. – Москва, 2005. – 216 с.

35. Милославский, И.Г. Как разобрать и собрать слово : Книга для учащихся / И. Г. Милославский. – Москва : Просвещение, 1993. – 191 с. – ISBN 5-09-003896-1.

36. Николаева, Н. Г. К вопросу о роли калькирования в истории русского словопроизводства / Н. Г. Николаева // *Folia linguistica rossica* 5 : *Język – Kultura – Historia*. – Łódź, 2009. – S. 127-134.

37. Осетрова, О. И. Калькирование и развитие полисемии исконных слов : проблема разграничения / О. И. Осетрова // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. – 2013. – № 4. – С. 49-54.

38. Сенько, Е. В. Калькирование в современном русском языке / Е. В. Сенько, М. Р. Ленчина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 128-133.

39. Современный русский язык : Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Е. И. Голованова [и др]. ; отв. ред. Л. П. Крысин. – Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.

40. Современный русский язык : система-норма-узус / отв. ред. Л. П. Крысин. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – 478 с.

41. Современный русский язык : Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2121 "Педагогика и методика нач. обучения" / Р. Н. Попов, Д. П. Валькова, Л. Я. Маловицкий, А. К. Федоров. – Москва : Просвещение, 1978. – 464 с.

42. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – Ленинград : Наука, 1965. – 565 с.

43. Стурдза, А. С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания / А. С. Стурдза // Арзамас.

Книга 1. Мемуарные свидетельства. Накануне «Арзамаса». Арзамасские документы. – Москва : Художественная литература, 1994. – С. 47-51.

44. Терентьева, Т. В. Калькирование из английского в русский язык / Т. В. Терентьева // Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – № 12-2. – С. 254-256. – EDN XEOYSV.

45. Ткаченко, В. А. Теоретические и практические аспекты калькирования / В. А. Ткаченко // Языковые ситуации и взаимодействие языков / отв. ред. Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Наукова думка, 1989. – С. 178-192.

46. Унбегаун, Б. Г. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550) / Б. Г. Унбегаун. – Inst. d'Études Slaves de l'Univ. de Paris. – Париж : [б. и.], 1935. – 480 с.

47. Унбегаун, Б. Г. Le calque dans les langues slaves littéraires / Б. Г. Унбегаун // Revue des Études Slaves. – 1932. – № 12. – P. 19 – 48.

48. Фахрутдинова, М. Т. Процессы в современном русском словообразовании / М. Т. Фахрутдинова // Казанская наука. – 2019. – № 6. – С. 54-56. – EDN РКНРСТ.

49. Хайруллина, Э. И. Фразеологическое калькирование как межъязыковое взаимодействие / Э. И. Хайруллина // News of Science and Education. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 3-5. – EDN YUCYRN.

50. Хапилина, Е. В. Контакты европейских языков на территории Африки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Хапилина Елена Владимировна. – Саратов, 2005. – 161 с.

51. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – 1972. – № 6. – С. 61-80.

52. Чайковская, О. М. Словообразовательное калькирование в славянских языках (на примере сербского, хорватского, русского языков) / О. М. Чайковская. – Минск : БГУ, 2010. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/21328> (дата обращения: 12.11.2022)

53. Чернышева, М. И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славянских переводах с греческого языка / М. И. Чернышева // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С.122-129.

54. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка : Учебное пособие / Н. М. Шанский. – 4-е изд., доп. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 312 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

55. Шишков, А. С. Разсуждение о старом и новом слоге российского языка / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург : Императорская типография, 1803. – 368 с.

56. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I / Л. В. Щерба. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1958. – 182 с.

57. Crystal D. The Future of language : Routledge David Crystal lectures / D. Crystal. – London & NY : Routledge Taylor&Fransis Group, 2009. – 184 p.

58. Gotti M. Investigating Specialized Discourse / M. Gotti. – Bern : Peter Lang AG, European Academic publishers, 2005. – 240 p.

59. Phelizon J. H. Vocabulaire de la linguistique / J. H. Phelizon. – Paris : Eds Roudel, 1976. – 280 p.

60. Zoltán, A. Мнимое Праславянское *Bitva «Сражение» / A. Zoltán // Studia Slavica Hung. – 1990. – №36. – С. 445-451.

Список словарей

1. Большой словарь иностранных слов : Более 24 000 слов / сост. А. Ю. Москвин. – Москва : Центрполиграф, 2003. – 815 с.

2. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный

словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с. – ISBN 978-5-373-05079-1.

3. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – Москва : Дом Славянской кн., 2008. – 959 с. – ISBN 978-5-903036-99-8.

4. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. – Москва : Рус. яз., 1998. – 846 с. – ISBN 5-200-02517-6.

5. Толковый словарь русского языка начала XXI века : актуальная лексика : около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / авт.-сост.: Г. Н. Складневская и др. ; под ред. Г. Н. Складневской. – Москва : Эксмо, 2008. – 1131 с. – ISBN 978-5-699-15913-0.

6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеологических выражений) / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова ; Российская акад. наук, Отд-ние ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1164 с. : табл. – ISBN 978-5-91172-015-5.

7. Этимологический словарь русского языка / ред. Н. М. Шанский. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.

8. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Москва : Астрель : АСТ, 2007. – 846 с. – ISBN 5-17-013347-2.

Список источников

1. Скибина, У. Эдуард Веркин «снарк снарк». Русский «стивенкинг» — беспощадный и бессмысленный / У. Скибина // Мир Фантастики. – 2022. – №227. – С. 30.

2. Щетинина, Е. Р. Дж. Баркер «Зов костяных кораблей». Приключения в морском антураже / Е. Щетинина // Мир Фантастики. – 2022. – №226. – С. 28.

3. Щетинина, Е. Ярослав Калфарж «Космонавт из Богемии». Философские беседы с космическим пауком / Е. Щетинина // Мир Фантастики. – 2022. – №228. – С. 34.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статья №1

Текст статьи приведен по изданию: Скибина, У. Эдуард Веркин «снарк снарк». Русский «стивенкинг» — беспощадный и бессмысленный / У. Скибина // Мир Фантастики. – 2022. – №227. – С. 30.

Тридцатилетний писатель Виктор возвращается в уездный город Чагинск, где провёл детство, чтобы написать о нём книгу по заказу местной администрации. Молодёжь уезжает из захолустного городка, странная старуха рассказывает о таинственном Шушуне — не то йети, не то злобном духе леса — а у подруги детства героя в лесах пропадает сын вместе со своим другом. Спустя двадцать лет кто-то присылает Виктору окровавленную кепку, принадлежащую одному из пропавших подростков. Виктор больше не пишет книг, у него бизнес и хороший банковский счёт на чёрный день. Герой не хочет возвращаться в Чагинск, но кепка напоминает о том, что ни виновные, ни тела не были найдены, а местные власти списали всё на несчастный случай. А значит, пришла пора встретиться с Шушуном лицом к лицу...

При прочтении аннотации может показаться, что «снарк снарк» похож на романы Стивена Кинга, только в русском сеттинге: писатель приезжает в родной город и сталкивается с Тьмой. Это представление не совсем верное: по крайней мере, читатель, ожидающий от романа кинговской тревожности и открытого столкновения с Большим Злом, может быть разочарован. В романе Веркина нет ни битвы с персонифицированным злом, ни быстро сменяющих друг друга событий. «снарк снарк» написан на стыке жанров: это одновременно и детектив, и магический реализм, и в некотором смысле хоррор. Однако пропажа подростков становится скорее катализатором для рефлексии главного героя, а мистика в сюжете очень условна и зависит от восприятия читателя. Роману ощутимо не хватает динамики, и порой кажется, что

сюжета в нём вовсе нет: герои едят, пьют, рассуждают о гуманизме в период урбанистики, о готике и нравах уездных городов, но практически не принимают участия в расследовании. Ко второму тому ситуация несколько улучшается: Виктор и его соратники строят догадки, добывают улики, встречаются с подозреваемыми, но всё же расследование для героя — в первую очередь повод заглянуть вглубь себя и узнать правду о жизни провинциального российского городка.

Второстепенные герои романа между тем совершенно замечательные: они напоминают чеховских и гоголевских персонажей и продолжают традиции русской классической литературы. Тут и старуха Снаткина, рассказывающая о колдунах и о зле. И чучельник Сарычев, искренне любящий своё дело. И бизнесмен Светлов, ратующий за прогресс. И Кристина, мама пропавшего мальчика, — когда-то Виктор любил её, но она не смогла сбежать из Чагинска и отравилась им.

В романе много русской хтони и в целом давящая атмосфера безнадёжности: затерянный в лесах город, который всё забирает, но ничего не предлагает взамен; люди, живущие в нём с рождения, опустившиеся, недовольные и не имеющие возможности — или сил — уехать за лучшей жизнью; рассказы о зле, существующем или выдуманном. Чагинск — пожалуй, главный герой романа; в нём происходят основные события, он отравляет людей и не отпускает главного героя даже тогда, когда тот уже уехал.

«снарк снарк» — роман-эпопея о хтоническом городе и о человеческой натуре, маскирующийся под детектив; текст с поэтическими метафорами, гротескными персонажами, то и дело рефлексирующим главным героем (порой кажется, что Виктор — пародия то ли на типичного русского интеллигента, то ли на человека, им себя мнящего) и во многом полубессмысленным содержанием на грани абсурда. Даже финал очень условен и зависит от восприятия читателя. Что случилось с

подростками? Можно ли избавиться от прошлого или оно настигнет тебя везде, куда бы ты ни направился? И кто такой Шушун: мифическое чудовище из леса, страшная сказка на ночь или... ты сам? Ответы придётся искать самостоятельно. В конце концов, не зря же название романа отсылает к абсурдистской поэме Льюиса Кэрролла. Веркин как бы намекает просвещённому читателю: может, ответов и вовсе нет, и «снарк снарк» по сути — лишь бессмысленная, абсурдная постмодернистская игра.

Итог: роман-эпопея с гоголевскими типажам, очень красивыми фразами и образами, а ещё с атмосферой провинциальной русской хтони. Однако темп ощутимо хромает, а сюжет порой напоминает театр абсурда.

Статья №2

Текст статьи приведен по изданию: Щетинина, Е. Р. Дж. Баркер «Зов костяных кораблей». Приключения в морском антураже / Е. Щетинина // Мир Фантастики. — 2022. — №226. — С. 28.

Мир кораблей, сделанных из костей вымерших морских драконов. Мир суровых женщин и солёного ветра. Негостеприимный и мрачный мир... Во время сильного шторма корабль «Дитя приливов» натывается на судно, потерпевшее крушение. Однако внешние повреждения — мелочь по сравнению с тем, что команда обнаруживает в его трюме...

Обычно от сиквелов ожидают экстенсивного развития: расширения мира, новых локаций, новых персонажей. Баркер же идёт иным путём — интенсивно развивая уже знакомые элементы.

В предыдущей книге цикла автор проделал самую сложную (и любопытную) работу: создал собственную относительно уникальную вселенную с океаном, островами, архипелагами, мёртвыми драконами, птицеподобными ветрогонами, супругами кораблей, своим глоссарием и социальной структурой. «Относительная уникальность» отмечена не зря — идея мира, где есть океан, разрозненные острова и архипелаги, не нова.

Однако во второй книге Баркер не стал добавлять новых значимых сущностей, чтобы расширить и дополнительно персонализировать вселенную, а сконцентрировался на героях.

Теперь на первый план выдвигается хранитель палубы Джорон Твайнер. Ставя его в центр повествования, Баркер создаёт фактически историю взросления, щедро осыпая героя невзгодами и методично выковыывая его характер. Автор безжалостно проводит главного героя через испытания — суровый мир суровыми методами воспитывает суровых людей. Однако при этом Джорон не превращается в мальчика для битья.

Однако, увлѣкшись становлением Джорона, Баркер оставляет без внимания один немаловажный момент. По сути, в романе нет хорошего, качественного антагониста. Практически все персонажи, отрицательные или положительные, работают на развитие именно Джорона Твайнера, дополняя его точку зрения, оттеняя его и толкая вперѣд. Кстати, Баркер не очень скуп по отношению к ним, весьма вольно убивает их, как только возникает подходящая ситуация.

Однако не нужно считать, что «Зов костяных кораблей» сфокусирован лишь на локальном приключении. Несмотря на то что новых сущностей во вселенной не добавляется, уже известные получают дополнительные характеристики. Здесь даже можно отметить некий крен в сторону от чисто приключенческого повествования к вскрытию тѣмных политических тайн и намерений.

В остальном же, если абстрагироваться от фэнтези-составляющей, цикл «Дитя приливов» вобрал в себя все основные маркеры пиратских романов: здесь есть рабство, пленники, абордаж, мятеж, насилие — и даже деревянная нога!

Однако морская история для Баркера — не просто набор локаций и терминов. Сеттинг цикла нельзя заменить на другой, а историю перенести

на сушу — настолько важны для сюжета специфический дух товарищества морских экипажей, верность своему капитану, особое мироощущение людей, которые живут с дикой, необузданной стихией под ногами...

Фактически Баркер дарит читателям всё то, что им нравится в пиратских романах: безбрежный, непознаваемый океан, вольный дух, опасные приключения — но без груза исторической и географической матчасти. Очистив пиратско-корабельный миф от наслоений реальности, писатель вплетает в него морально-нравственные элементы: темы искупления, преодоления, избранности, осознания себя и своего пути. Всё это делает текст романа максимально понятным на эмоциональном уровне.

Вместе с тем текст смоделирован грамотно с технической точки зрения: Баркер умело ведёт читателя по волнам истории, не передавливая динамикой и не давая заскучать, расставляя загадки и закидывая удочки, доводя напряжение до эмоционального пика — и сбрасывая. Всё — от сюжета до манеры повествования — даёт понять, что персонажи пребывают на грани поистине эпического события.

Которое, несомненно, и произойдёт в третьей части цикла.

Итог: неожиданно качественное продолжение любопытного цикла, пусть и в довольно банальном сеттинге.

Статья №3

Текст статьи приведен по изданию: Щетинина, Е. Ярослав Калфарж «Космонавт из Богемии». Философские беседы с космическим науком / Е. Щетинина // Мир Фантастики. – 2022. – №228. – С. 34.

Якуб Прохазка — первый чех в космосе. Цель его одиночной миссии — сбор пыли из таинственного облака Чопра. С Землёй героя связывают лишь воспоминания и жена Ленка, с которой он встречается во время еженедельных трансляций. Но однажды Ленка наотрез отказывается

общаться с мужем. Якуб погружается в глубокую депрессию — и встречает инопланетного паука, обожающего... «Нутеллу»?

«Космонавт из Богемии» — это как если бы Станислав Лем и Франц Кафка решили творить в соавторстве, делая грань между фантастикой и безумием настолько зыбкой, что так и остаётся загадкой: был ли паук Гануш? Да что там паук... был ли вообще полёт в космос?

Якуб — бесконечно травмированный человек. Он травмирован физически: его тело измождено, а зуб гниёт и болит. Он травмирован морально: его жена Ленка то ли изменяет ему, то ли не изменяет, но так или иначе разорвала все контакты. И прежде всего он травмирован духовно: как и многих соотечественников, Якуба преследуют отголоски глубокой исторической травмы.

Отсюда вытекает вопрос — насколько «Космонавт из Богемии» может считаться фантастикой? Технически — да, тут есть полёт в космос, инопланетные существа и многие другие жанровые маркеры. Но по сути перед нами роман взросления, современная проза — и в свете этого фантастические детали делают книгу похожей на притчу.

Заметно, что Калфарж очень хочет в большую литературу. Он использует все привычные для таких текстов мотивы: тут и судьба ребёнка на фоне политических и социальных перемен, и столкновение с Чужаком для познания Себя, и экзистенциальное одиночество, и эскапизм, и возвращение к корням... Понятно и то, зачем нужно фантдопущение в виде космического полёта — чтобы усилить отчуждённость персонажа, чтобы создать более фактурного Чужака, да даже для того, чтобы дать герою полностью погрузиться в воспоминания, не отвлекаясь ни на что бытовое! Может быть — и для того, чтобы текст выделялся на фоне других подобных, проходя по краешку жанров.

Первая половина романа выдерживает вес авторского замысла, умело лавируя между фантастикой и реализмом, поднимая вопросы

национальной идентичности, смысла жизни, свободы, вины за преступления отцов, человечности, феномена Первого Контакта — и тонкой грани между здравомыслием и безумием. Это хорошо, глубоко, трагично — и немного смешно, пусть даже и за счёт довольно клишированного образа забавного в своей непосредственности инопланетянина. Эта часть насыщена трогательными и сентиментальными деталями, детскими и взрослыми бедами: здесь есть смерть родителей, государственный переворот, стигматизация семьи «стукача», лишение дома — и прах дедушки в коробке из-под сигар.

Увы, со второй половины роман начинает стремительно терять все набранные ранее баллы. Грубоватые элементы шпионского триллера подавляют хрупкость экзистенциализма, рефлексий и фрустрации. Герой, который до этого клял себя за эгоизм, снова начинает самовольно принимать решения не только за себя, но и за свою супругу, а также за целый инопланетный вид (если мы принимаем за данность, что вся линия с Ганушем не галлюцинация), уничтожая его представителя.

В итоге история начинает рассыпаться, превращаясь лишь в набор любопытно оформленных и раскрытых идей. Казавшаяся незыблемой тема вины и травмы на время растворяется, чтобы вынырнуть ещё раз — тогда, когда она... наверное, уже и не нужна? Даже встреча героя с Человеком-Башмаком, врагом из прошлого, слишком предсказуема — настолько явно она стремится придать всему предыдущему повествованию каркас, что становится как-то неловко.

Итак, первая часть романа — по-хорошему старомодная фантастика. Та, в которой человеку нужно покинуть Землю, чтобы встретиться с самим собой. Вторая часть — также по-хорошему старомодный экшен. Из тех, где человек становится невидимкой, чтобы встретиться с заклятым врагом. В итоге получилось что-то современно-нейтральное, любопытное, интригующее, оставляющее читателя с кучей вопросов.

Итог: типичный образец современной литературы об исторических травмах — только здесь действие помещено в фантастический антураж.